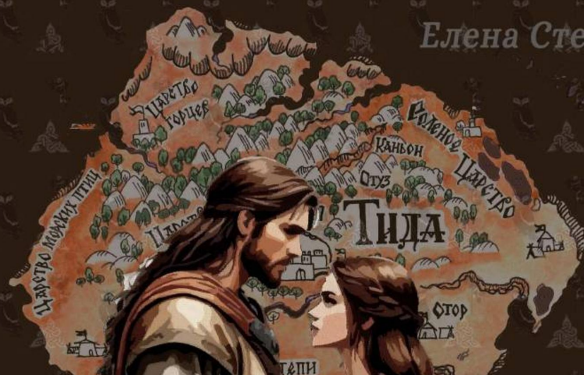

Елена Степная

Остров Сыча и Розы

Остров

Сыча

и

Розы

Елена Степная

Остров Сыча и Розы

<https://litres.ru/73592259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елена Степная — крымская художница, чьё творчество родилось не в мастерской, а в степи, у древних холмов, где ветер помнит имена забытых князей.

Новелла «Остров Сыча и Розы» состоит из двух частей.

Первая книга «Легенда о потерянном сердце» — это история о воеводе кочевников Тахире - Степном Сыче и принцессе Дэне. Их встреча в царском саду была случайной. Их разлука — предначертанной. Пророчество древних мудрецов вещает, что их союз спасёт остров Тиду, но цена этому союзу — сердце, потерянное в веках.

Вторая книга «Сшитые миры» перекидывает мост между временами. Играя в игры с колдуньей главный герой не подозревает, насколько опасны её намерения. Когда в Зале Чести и Совести плетут новую нить, ведьма отдаёт всё, чтобы вернуть то, что потеряла.

А в современном городе мужчина видит сны о сказочном острове и прекрасной девушке.

Два мира. Две судьбы. Одна любовь.

Содержание

Содержание	4
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2 Поселение Отор. Очередное сражение.	14
Глава 3 Аттюк	23
Глава 4 Тахир и его волнения	28
Глава 5 Жизнь в Оторе	34
Глава 6 Знакомство в саду	41
Глава 7 Принцесса и её - Тот самый	46
Глава 8 Изгнание	57
Глава 9 Лагерь Лекарей	66
Глава 10 Трудные времена	73
Глава 11 Юрта Лекарей	84
Глава 12 Болезнь Царя	89
Глава 13 Отор без вожака. Друзья	95
Глава 14 Дворец. Явление	99
Глава 15 Тайна служанки	102
Глава 16 Возвращение к жизни	107
Глава 17 Колдун	116
Глава 18 Находка Салги. Амулет	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Елена Степная

Остров Сыча и Розы

Посвящаю своё произведение самому преданному другу, благодарному ценителю моего творчества, верному помощнику и любимому человеку – моему мужу Владимиру

Содержание

Действующие лица и место событий:

Община кочевников — Отор:

Тахир - главный герой - князь (25 лет),

Аттюк - колдун в княжестве Тахира (58 лет),

Самрат - Воевода (должно было быть — 62 года), отец Тахира; умер, когда сын был подростком,

Жена Воеводы,

Ярс - Друг Тахира

Царство Предгорья:

Митр - Царь города Ситта (56 лет),

Принцесса Дэна (Дэниза), дочь царя Митра (19 лет),

Лагерь Лекарей:

Салга – знахарка (60 лет),

Помощник Знахарки — Никодим (25 лет)

Остров Тида. Крупные Царства и города:

Царство Предгорья с центром в г. Ситта,

Царство-город Приморья, на западе острова с портом и соледобычей,

Царство Горцев,

Царство Морских Птиц, расположенное за горами на побережье юга Тиды.

Каньон Отуз, где живут высланные из Ситты чародеи,

Мелкие Княжества, общины кочевников и оседлых ремесленников, пастухов, рыбаков.

Пролог

События разворачиваются на небольшом клочке земли. Остров граничит с большим материком. В периоды отливов из моря показывается тонкая коса-перешеек — спасительный проход шириной в несколько метров и длиной в пятнадцать полётов стрелы. Этого сухого участка хватает, чтобы проехать на повозке, запряжённой парой лошадей, если погонщик не медлит. Отлив короток. Те, кто идёт со стороны Сизых Степей, торопятся — вода возвращается бесшумно, но неумолимо.

Древние были могущественны — они сложили каменный мост, который когда-то соединял остров с материком. Но катастрофа, чьё имя забыто, разворотила исполинскую постройку. Теперь из тихих вод залива зияют огромные глыбы — прямые, словно вырубленные гигантской рукой. Никто не помнит, что здесь произошло. Никто не может разобрать письма, выгравированные искусным камнерезом.

Торопящиеся люди бредут туда и сюда — даже не замечают этих молчаливых свидетелей неизвестной цивилизации. А если и видят, то отводят взгляд. Говорят: здесь столкнулись боги. И потому не пытаются прочесть знаки.

Лучше не будить того, что уснуло в камне.

Глава 1

Битва за землю разразилась в самое неподходящее время. Утренняя звезда ещё ярко светила на востоке, заря только открывала очи, заполняя горизонт над степью холодным рубиновым светом. В это прекрасное утро никому не хотелось умирать. Но кто станет спрашивать о твоих желаниях? Указы изданы, воины подняты, глаза налиты кровью, сундуки открыты для награбленного. Мирного решения нет.

Который раз.

Князь Отора больше не желал заключать мир с царём Ситты. Точка невозврата была пройдена. Самое время начать наступление и разорить это место хамов и стяжателей! Занимать благодатные земли одному царю — нечестно.

Царство Ситты раскинулось на равнине Предгорья и закрывало проход к лесам, где водилось много дичи. А в степях, где расположился стан кочевников, жизнь становилась невыносимой.

Народ Отора разместился поселением на берегу реки, в которой водилось немного рыбы, но этого хватало, чтобы не умереть с голоду. Сильным воинам надо было мясо, а степь была бедной на диких животных. Из-за постоянных переходов жители стали требовать от воеводы, чтобы тот основал, наконец, город и дал народу успокоиться от переходов. Дать пожить стареющим воинам, нарастить новое войско, которое

ослабло после стычки с дикими, необузданными пришельцами из-за Гнилого озера.

Они стали сущим наказанием для бывшего сильного войска Отора. Мало того, они занесли в общину какую-то заразу, и случился мор скота. Почти все лошади погибли, а мелкий скот для пропитания всё же удалось спасти, отогнав далеко в степи, почти до моря. Но там не было питьевой воды, и козы с овцами, питаясь сухой травой, испытывали жажду. Каждый раз в общину доносились жалобы о падеже. Молока от коз поступало мало, дети страдали. Община была на грани бунта, чтобы требовать от Совета возвращения на бывшую стоянку за перешейком. Но туда вождь возвращаться не желал.

У него была цель. Ему нужна та местность в Предгорье. Очень удобная природная защита от набегов степных тварей. Там было много еды, с гор стекала чистая вода, и зимой можно было укрываться в подземных пещерах. Даже на то, что эти места уже давно заняты другим правителем, вожак Самрат не обращал внимания, он верил, что добьётся своего, и поселился со своим народом в этих местах. Верил своему провидцу и его восторженным словам!

Но силы вождя угасали, и надежды на спокойную жизнь в этом райском уголке с каждым днём исчезали в небытие.

Сын Тахир принял власть от воеводы кочевой общины Самрата, который, в конце концов, умер в печали от потери любимой жены.

Помазаннику было двадцать два года, и он был единствен-

ным наследником трона и хозяином общины кочевников.

Община состояла из пяти тысяч человек разного люда. Они испокон века вели кочевой образ жизни: выращивали лошадей, овец, коз, занимались охотой, ловлей лис, зайцев, растили птицу. Женщины ткали ковры, делали сыры, мужчины выделывали кожу животных, изготавливали хорошую сбрую, одежду, обувь, шатры. Эти изделия потом выменивали в городах на шёлк, соль, муку, металл.

Народ готовился вести оседлый образ жизни. Располагаясь возле крупных царств, жители Отора намерены были заниматься торговлей. Вождю общины необходимо было договариваться с царями о защите от набегов тварей — животных-демонов и разбойников, — расположившись у стен городов. Сами кочевники тоже имели оружие и бились с неприятелем, защищая свой народ.

Под управлением молодого князя были Совет общины, где принимались правила и внутренний порядок, законы и внешние отношения с главами царств, княжеств и поселений; а также свита чиновников, которым доверялось хозяйствование, разбирались споры. Как и все другие правители в Тайном Совете, владыка держал на службе колдунов.

Старого воеводу Самрата привёл колдун на остров ещё до половодья. В поисках райского уголка, о котором пророчил старый колдун, воевода рискнул вести сотни жителей, пообещав им сытную и безопасную жизнь на острове Тида.

Это загадочный остров, омываемый морем Тирским с его

северо-западной и южной стороны, и Арским морем — с восточной. Он привлекал всех странников своей желанной защищённостью и несметными богатствами. Узкий перешеек, соединяющий его с большой землёй, постоянно был скрыт водами солёных озёр, называемых Гнилыми. Период, когда можно было перебраться туда и обратно пешим ходом или на лошадях, наступал только во время Сильной луны — суперлуния. Тогда воды солёных озёр всего на один день вскрывали песчаную косу, и беженцы могли проследовать на остров.

Перед странниками открывались такие же пустынные просторы, как и на равнине страны Сизых Степей. Но вдаль, если присмотреться, можно было увидеть настоящие горы. Именно там текли молочные реки среди медовых берегов.

Вся южная оконечность острова — это возвышающиеся над зеркалом моря плоские горы, леса и реки. Источники живительной влаги стекали с гор, образовывали озёра, в которых водилось много рыбы, в лесах было полно живности, а самые крупные — дикие кабаны, бараны, олени и лани. Провидцы говорили о степи северной части, что она более сурова для жизни людей и бедна на живность, чем южные земли.

В основном земли степей были пустынные. Но там хорошо выращивать мелкий скот — овец и коз. Вожак кочевников размышлял: «Возможно, там есть местные виды лошадей, устойчивые к суровому климату южных земель Большой Земли».

Он мечтал, что со своей молодой женой остановится в

этом тёплом благодатном крае, поставит общину на постоянное место и родит сына — наследника, который станет основателем города и царём над его народом.

Но он не мог знать, сколько ему отмеряно прожить и как сложится жизнь его народа на этой благословенной земле. И только колдун повторял одно и то же, вселяя надежду в горячее сердце кочевника:

— Там течёт с гор молоко и бежит среди медовых берегов, растекаясь по всей земле, наполняя жизнью всё вокруг. А ты станешь царём над своим народом. Союз Степного Сыча и Хрустальной Лани будет могущественным — ему подчинятся огонь и вода. И даже камни вспомнят, как говорить.

Что бы это значило?

Засматриваясь на лесистую южную часть этого небольшого материка — то ли острова, то ли полуострова, за деревьями которого еле просматривались далёкие сизые горы, молодой князь Тахир думал о том, что вот-вот дойдёт до мест, где сможет дать своему народу, измождённому переходами, долгожданный покой и сытость.

Сколько раз вождь Отора пытался разбить войско города Ситты, преграждающего путь к желанным молочным рекам. Но бои были неравны.

Опять и опять его воины возвращались ни с чем.

И тогда дерзкий, новоиспечённый князь наполнялся решимостью и злостью, ещё более и более. Сами демоны его слушали, и уже было не понять, кто ему отдаёт советы —

красть, разрушать, убивать. Ради того, чтобы жить, рожать детей, любить и пытаться быть счастливым.

Наверное, Высшие божества в это время были заняты чем-то более важным: они отдавали Нижним богам разрешать ситуацию на земле по своему усмотрению, назначая для этого надсмотрщиков, таких как колдун Отора — Аттюк.

И тогда творилось на земле чёрте что.

Алчные жрецы возомнили себя всемогущими богами. Играя на страхе, суевериях и благоговении челяди, они решали сами — получать ответы с Небес или нет. Колдуны становились серыми правителями, вращая судьбами на магических блюдах. Словно жертвенным мясом потрясали они жизнями людей в тайных местах, утоляя свои амбиции и желания.

Стяжательство и тотальная власть над сундуками воеводств, княжеств и царств не могли остановить споры между главами общин, а только разжигали пламя. И кровавые битвы за землю оправдывались истощением ресурсов общин. Вожди внимали сладостным словам о их собственном всемогуществе, что множило в умах этих бездуховных посредников между богами и людьми веру в справедливое их суждение, правду и силу!

В каких опасных руках этих «судей и вершителей» были простые смертные и их вожди.

По каменному полу грязного тёмного помещения прошлись ноги в плетёной обуви. Человек в льняных одеждах нагнулся. Из его сухощавой морщинистой ладони выскольз-

нул и упал округлый камушек. В его гранях отразился маленький лучик — и разлился по идеальным граням, переливаясь кровавым светом.

То был рубин. И он только начинал свою игру.

Никто ещё не знал, кому он предназначен. Но остров уже сделал свой выбор.

Глава 2 Поселение Отор.

Очередное сражение.

Сидя на камнях недостроенной стены своего города, молодой князь Тахир размышлял.

В этот раз Отор был лучше подготовлен. Три года боги посылали дожди на сухие степи — река наполнилась рыбой, земля зайцами, стада лошадей и скота восполнились. Аттюк оказался прав: наступать раньше было нельзя. Восстановление давалось городу Отору дорого, но оно того стоило.

— Не время ещё, князь. Подожди, земля скажет, когда будет готова принять жертву, — шептал вожаку колдун.

Но господин был рассержен. Он кричал на своего звездочёта:

— Как я могу тебе верить, когда мы почти всё потеряли, дойдя до Гнилых озёр?! Эти голодранцы с той стороны нас так просто обчистили. Кого? Нас! Тех, кто прошёл Сизые земли, кто отбивался от Каменных людей и едва остался жив. Ты обещал молочные реки и медовые берега! Где они? Я вырежу твой скот и отрублю твоим ученикам руки, чтобы они лучше взывали к богам!

Воздух накалялся в том месте, где происходило выяснение положения дел. Вожак гневно отчитывал мудреца.

— Может, ты зажрался? — возмущался Тахир.

— О нет, нет! Всё будет, как я видел в Чаше времен. Что я могу добавить? — услужливо шептал колдун в оправдание, заламывая костистые пальцы.

Господин был недоволен. Он резко взмахнул рукой в сторону выхода:

— Иди с моих глаз и хорошо помолись богам!

Князь Отора Тахир получил эту общину в наследство от своего отца. Самрат был хорошим вождём, но всем заправлял жрец Аттюк. Колдун бездумно направлял отца Тахира из места в место, и чаще община попадала в жестокие стычки с местными князьями. И только благодаря удаче и силе воины Отора всё же наживались своими набегами во время переходов и зимовок.

В целом, люди Отора не хотели промышлять таким образом. Но колдун смог убедить Совет в том, что люди бедствуют и надо как-то выживать. А для этого оправдано занятие грабежами.

Колдун был заражён мечтой своего отца — Мага Сизых степей. Тот видел место, где «две силы — Хрустальная Роза и Степной Сыч — объединившись, станут всемогущим Царством на острове Тида». Но отец предупреждал: не соваться дальше степи и не проникать силой в леса Предгорья. «Тонкие струи Серебряного водопада смоют тебя в бурный поток». Сын оказался не так осторожен. Он решил, что превзошёл учителя, и повёл народ молодого князя вглубь острова — прямо к горам, навстречу сытой и якобы безопасной

жизни.

Колдун лелеял свою мечту. Раз за разом он шептал в молитвах:

— Возмужавший со временем сильный наследник пойдёт вперёд к славе, а я пойду рядом. Я буду богат. Я сделаю для этого всё. Я буду там, в Царстве Предгорья. Я желаю этого всем сердцем.

Наследник оседлых кочевников вырос не таким мягким, как его отец. Тахир был хорошим хозяйственником, отлично владел оружием. Он был строгим военачальником, сильным воином и жёстким правителем. И хотя хозяйство ему досталось слабым, он смог в юные свои годы его восстановить. Он направил общину в место, расположенное в междуречье, и сумел договориться с поселением, что обосновалось там, заручившись договором с его главой. Община Отора поставляла хороших сильных лошадей, сыр и кожи, а тот не имел претензий на размещение общины у стен города. Это было хорошее время, когда не приходилось драться.

Но алчному колдуну мир между воеводами не был нужен. Эта долговременная игра не входила в его планы. Тахир был в бешенстве от советов престарелого жреца и не понимал, отчего тот так жаждет войны с любым, кто встречается на пути следования кочевников. Аттюк был в восторге от возникновения любых разногласий. Он старательно убеждал Совет Общины в бессмысленности мирных договоров, во всех ситуациях видел опасность, угрожающую лично ему.

Предгорным Царством острова и главным его городом Ситта владел могущественный и сильный правитель — царь Митр.

Его Царство процветало в безопасности. Удобное расположение главного города и крепостных стен позволяли успешно вести хозяйственную деятельность и главенствовать на Обширном Совете Царств Тиды. Царство богатело, тогда, как народ часто бедствовал от недостатка урожая. Засуха тянулась который год.

А тут появилась новая напасть.

Из-за перешейка, соединяющего тонкой косой земляного вала Сизые степи Большой Земли, хлынули на остров потоки кочевых племён в поисках пропитания. И если бы вожаки этих голодранцев были мудры, они искали бы разрешения у господствующих на острове царей. Но они были словно волки — не пытались договариваться, а нагло воровали добро у царских подданных.

Одно за другим набеги наглых кочевников выбивали стражей города Ситты из сил. Человеческое терпение иссякало, но стражи держались крепкого руководства вождя и старались выследить воров. Совет Ситты искал помощи у союзников — Царства Горцев.

Но гордым Горцам было не до войны.

У них, после сильных трёхлетних дождей, сошедших около пяти кругов назад селями, разрушились основные пути сообщения. Они давно не появлялись в местах торговли у

стен Предгорья, а торговали на южных долинах в Межгорье. Это спасало обитателей гор от бесконечных набегов тварей с Гнилых озёр и давало возможность пребывать в безопасности.

Поэтому Горцы не торопились восстанавливать дороги и ни о чём не беспокоились.

А что, если разрушится Предгорье? Устоят ли они от набегов кочевых общин? Деваться горцам будет некуда — только уходить на верховья гор, а там жизни нет. Перейти перевал и спускаться к морю тоже опасно.

Там, на берегах, живут морские кочевники. Их никто близко не видел. Никому вреда они не приносили, жили себе мирно, имели отличные корабли. Корабли уходили куда-то за черту линии моря и приходили назад в бухты один или два раза в год. Но кто знает, что они за люди?

И Приморский Солёный царь отказался поддерживать Царя Предгорья, сославшись на сезон рыболовства и заготовки соли.

Так помощи ждать не приходилось.

Каждый из глав царств беспокоился только за своё имущество. Былой дружбе давно пришёл конец. Все отношения строились на тщательной охране собственных земель и работающих на ней подданных. Опасность, что явилась с нашествием на остров кочевников, казалась пустой, навеянной слухами и наветами жрецов, которых уже никто не слушал.

Серебро крепко управляло делами, и мир держался на до-

говорах. Шатко, но всё же держался.

Между тем, в долинах стало беспокойно.

Отряды стражников города Ситты выявляли вылазки кочевников на общины свободных ремесленников, расположившихся под стенами города. Днём торговцы были в лавках города, а на ночь возвращались в палатки. Тут и поджидали их грабители. Жалобы ограбленных жителей доходили до царя. И тогда острые стрелы стражей Ситты настигали дерзких пришельцев.

Однажды обезумевшие кочевники Отора попали в ловушку, и многие не смогли избежать жестокой участи. Наказание достигло тех, кто польстился на чужое добро.

Полуденный ветер трепал весенние степные травы, в которых лежали искалеченные воины противников. Они стонали от ран и ждали помощи. Раненых лошадей развели стражники. Одни пошли в стан степных кочевников, другие — в стан Предгорья. Не добившись в битве превосходства, послы сторон договорились забрать раненых с поля боя до вечерней зори, чтобы ночью на поле никого не осталось.

Вожак кочевого народа Тахир от ярости не знал, куда себя деть. Он не ожидал такого исхода. На ком-то нужно было сорвать гнев. Злой, отчаявшийся, он ворвался в помещение, где собирался Совет Общины, и там метался, не находя себе места.

— Они имеют явное преимущество! — Тахир с силой сбросил с себя латы и махнул с раздражением со стола кубок

с вином. Тот попал в Первого помощника — Ярса.

Ярс промолчал, только вытер с лица попавшие капли.

— За неделю войско стражников потеряло группу, а они... — Тахир вскинул руку в противоположную от поселения сторону. — Ни одного! Слышишь? Ни одного! Как?

— Забрали погибших? — не оборачиваясь, пыхтя от волнения, крикнул Тахир в сторону Ярса.

— Да, — ответил друг, стараясь быть спокойным.

— Всех?

— Всех.

— Иди отсюда! — зашипел Тахир и стукнул кулаками по огромному столу.

Уставший от неудачного сражения Ярс приказ понял. Он знал: в таком состоянии с вождём лучше не затевать спор.

— Позови колдуна! — крикнул князь стоящему у входа прислужнику.

В юрту, обитую кожами и ткаными коврами, вошла горбатая тёмная фигура колдуна. Не вошла — всплыла.

— Слушаю, Ваша Светлость, — вкрадчиво произнесла фигура в суровом балахоне, закрывающем голову.

Тахир тяжело дышал и долго молчал. Вращая на указательном пальце серебряное кольцо с чёрным камнем, он всё же вскинул на колдуна взгляд. Тот отпрянул — настолько взгляд молодого князя был полон раздражения и злости.

— Что скажешь, а? Что там твоя вода показала? Кровь? Так это не кровь противника, а наша кровь! Почему у них ни

один не пал, а моих принесли на ношах? Ты думаешь, я плохой глава моих воинов? Или этот провал опять от неудачного времени?

Князь схватил одной рукой за отворот мантии горбатого колдуна и заглянул в его лицо. Лицо колдуна не источало ни страха, ни ужаса. Оно было бело и холодно, его опущенный взгляд ничего не говорил. Ни одна морщина не дрогнула, тогда, как крепкая рука князя сдавливала одежду вокруг шеи жреца. Аттюк схватился за сильные руки разгневанного господина и пытался высвободиться. Но тот держал хитон из суровой ткани смертельной хваткой.

Обнажились руки трепыхающегося колдуна, и Тахир увидел пятна, покрывающие их до локтей. Они были мерзкими, как гнилая рыба. Мерзкие на вид пятна чередовались: тёмно-коричневые, белесые, нормального человеческого цвета — они создавали причудливый узор и вызывали жуткое отвращение. Молодой человек отдёргнул руки, словно от проказы. Ещё раз взглянул в лицо колдуну и внятно, чтобы тот слышал, сказал:

— Я больше не верю тебе. Слышишь? Только потому, что ты всегда был верен моему отцу, я ещё терплю тебя. Но в смерти моей матери я всё равно вижу твоё участие. Ты ей даже не помог. Хотя доказать этого не могу.

Колдун молчал.

Тахир продолжил:

— Ты мне обещал богатый край. Обещал! Ты водил ме-

ня вокруг да около непонятными дорогами, теряя и людей, и скот. Мои лучшие воины остаются там, за воротами Отора, когда какие-то твари имеют над ними превосходство. Не ты ли утверждал, что сегодня все звёзды расположились для удачного сражения со стражей Ситты?

— Может, надо было лучше сражаться? — прервал молчание колдун.

— Что? Ты мне указываешь на мои ошибки? — крикнул глава общины.

— Нет, Вы самый лучший воин и мудрый глава Отора, — поклонился льстиво колдун.

— Нет от тебя никакой пользы, только даром хлеб ешь. Иди и вылечи раны моим воинам!

Князь обвинял своего мага в неудачах, а сам не понимал, что надо было слушать не его, а прежде всего свой разум.

Колдун вышел из шатра князя.

И тут на его лице появилось то, что могло бы не понравиться ни Нижним, ни Верхним богам.

Это была отвратительная ухмылка демона.

Глава 3 Аттюк

Аттюк вернулся в свой шатер в ярости. Скинул с головы капюшон, на входе зацепил древко со штандартом общины.

— Щенок! — бросил он в сердцах, обращаясь к своему вождю. — Ничего. Я ещё верну себе своё!

Он нервно набросал в кожаный мешок пузырьков с растёртыми порошками, взял свою клюку, пнул ногой, стоящий у входа штандарт. Тот отлетел в сторону и развернулся. На шёлковой поверхности показался герб кочевников Отора, вышитый золотыми нитями, — Степной Сыч. Его пронизательный взгляд смотрел в глубину святилища мага. На позолоте вышивки резвились тени от горящего посреди шатра очага. Но этой красоты раздосадованный волшебник не увидел. Он удалился залечивать раны воинам.

На вид колдуну было лет семьдесят, но на самом деле ему перевалило немногим за пятьдесят вёсен. Старости ему добавлял торчащий горб. Этот ещё не старый мужчина был так скрючен, что походил на свою клюку. Он высовывал нос из-под головной накидки и напоминал черепаху, которая медленно высовывает голову из панциря. Лицом он был так же ужасен, как та черепаха. По рукам и шее колдуна расплзались пятна — коричневые и белёсые, что делало его ещё более неприятным.

Ярс всё время насмехался над ним:

— Нашему священнослужителю надо перед наступлением давать задание ходить в разведку. Ха! Он так сливается с природой, что, даже если стоит и не двигается, можно подумать — засохшее дерево. Так можно выведывать всякие тайны у противников — просто поставить в углу Аттюка!

Женщины сторонились колдуна как чумы. Хотя в молодости ему было не занимать темперамента. Поговаривали, что он крутил роман со служанкой покойной жены владыки. При странных обстоятельствах эта женщина исчезла из стана. Она должна была присматривать за течением родов у хозяйки. Её долго искали, но так и не нашли. Не мудрено затеряться в степи, кишашей изголодавшимися тварями.

Свой дар и служение миру Духов отец передал Аттюку по долгу. Маг общины Отора был самым толковым Мудрецом среди кочевников. В молодом возрасте Аттюк удалился в Страну Белых Глаз, где, как рассказывал, мог научиться всем магическим хитростям. Но по возвращении в стане как-то не заметили изменений. Ни знаний, ни мудрости не прибавилось. Чем он в тех землях занимался — не известно.

Колдун имел сложный, противоречивый характер. Он был больше склонен к служению своему демону, чем князю и народу общины. Но на деле старался изо всех сил показать, что ему очень дорог сан служителя. На народ ему было наплевать. Ему нравилось ощущение тайной власти, которой наделил его отец.

Перед смертью старый маг сказал последнее пророческое

слово воеводе:

— Союз Сизого Сыча и Хрустальной Розы наделит тебя таким могуществом, которого эта земля ещё не видела!

Сын слышал эти слова и запомнил. А когда сам пришёл попрощаться с умирающим отцом, то получил единственное странное предупреждение:

— Берегись Серебряных струй, ибо они подхватят тебя и увлекут в бездну, откуда нет выхода!

Молодой владыка Тахир почему-то верил этому бездарному колдуну. Ведь тот так живо рассказывал о Предгорье, словно сам там был. Какая же сила — это умение общаться с богами миров...

Но если бы Аттюк имел хоть рисовое зерно тех знаний, которыми владел его отец, то Отор не был бы таким беззащитным хотя бы перед теми сущностями из Сухоречья. А так — голодные и мерзкие твари регулярно проникали в жилища жителей и подкидывали неприятностей в общину.

— Очень странный у нас колдун, — натирая свой меч, сказал Ярс в компании ночных дозорных. — Недаром ли он ест хлеб в общине? Пустите меня послужить этим нашим богам. Может, я лучше договорюсь с ними.

— А как же быть с лечением? Ты сможешь так же зашить раны?

— Пф, раны зашить и я смогу! Вон после сражения все как один зашиты, словно колбаса, — сетовал Ярс. — Ни одна девушка не захочет взглянуть на это уродство. Ой, только

не говорите, что шрамы украшают. Я ему нос сам расквашу, если он коснётся... нет, если просто глянет в сторону моего прекрасного лица!

И манерно провёл руками по своим русым волосам, откидывая их за спину.

— Считаешь, что иметь знания мага — это лёгкое дело?
— спросил дозорный.

— Считаю, что такие знания, которые имеет Аттюк, спускаются как туман на степь. Я пойду немного полежу на куче сена, может, чего и перепадёт.

Ярс поднялся и только занёс ногу, чтобы идти к стогу, как напарник дёрнул его обратно наземь.

— Спать собрался? Ага, да! Сиди здесь и неси прилежно караул. А то придёт твоя зазноба из Сухоречья и поцелует в твою великолепную шею своими гнилыми зубками. К утру ты станешь не только пятнистым, как Аттюк, но и посинеешь от ненасытной любви.

Дозорные рассмеялись.

Один из стражников нагнулся и загадочно так спросил:

— А нашего князя тоже Тварь поцеловала?

— Это ты почему так решил?

— Так это... когда мы мылись в озере, я видел на его правом предплечье пятна — коричневое и белое.

— А тебе кто позволил подглядывать за князем?!

Ярс приставил остриё клинка к подбородку любопытного дозорного.

— А я... я случайно видел. Мы коней мыли, и он впервые закатал рукава, хотя этого никогда не делал. Всегда ходит полностью одетым — жара не жара. А вдруг это заразно...

— Так и есть.

— Никому не говори что видел. А то ножичком так — ап! И в овраг, за стан! Уяснил?

Глаза Ярса засверкали языками пламени, он прищурился злобно.

— Тьфу, на тебя! Слово даю! И убери ножичек, — ответил товарищ.

Ярс выровнялся, задёргал бровями и произнёс, поглаживая латы:

— Жрать хочется!

Глава 4 Тахир и его волнения

Тахир имел вид недоступной скалы, но никто не даже догадывался, на сколько он был раним в своей душе. Он думал лёжа в своём шатре:

«Как мягко ложатся тени на тканые ковры, устеленные кругом в моём шатре. Цвета их в затухающем очаге уже не казались такими насыщенными. Тени от огня колыхались по округлым стенам, рождая причудливые фигуры — то ли животных, то ли духов. Я бы хотел заснуть сразу, но никак не могу. Что-то очень далёкое и неосязаемое пытается со мной поговорить. И я не знаю, что оно хочет. Зовёт или шепчет. Этот зов я чувствую с каждым днём всё отчётливее. Какая-то тяжесть в груди.

Мама...

Как мне тебя не хватает. Я бы тебе сейчас показал, как вырос, как веду хозяйство, как всё держу под тотальным контролем. Я бы не рассказал тебе про свои провалы, но ты бы их точно заметила. Только не надо меня жалеть. Я других не жалею, чтобы, если придётся, принять потерю, не долго печалиться, а сжав зубы — продолжать жить.

Как ты там? Мне тебя не хватает. Твоих тёплых ладоней, которых я никогда не чувствовал, и твоей улыбки, которой никогда не видел.

Я один. Ни брата нет, ни сестры, за которыми я бы мог

присматривать. Я вырос холодным и жёстким. Меня просят улыбаться. А чему улыбаться? Кому? Отец вон так печалился, что не выдержал одиночества без тебя. Разве он замечал меня? Я словно колючка на пустыре. Вроде существую, но так бесполезен. Каких стоило усилий, чтобы добиться его милости — хотя бы поговорить как отец и сын.

Чтобы я ни делал, все мои дела критиковал и вечно был недоволен.

Вокруг меня вился только этот Аттюк со своей невыносимой заботой крестного отца. Его общество меня раздражает. Я бы хотел больше времени проводить с отцом.

Что мне досталось от отца? Что мне осталось от тебя? Даже одежды твои отец сжёг вместе с тобой. Украшения раздал людям, амулеты...

Я, по крайней мере, видел, что он хоть кого-то любит и за кем-то скучает. Этот амулет сделал отец для тебя. Серебряная чеканка Степного Сыча с хрусталём вместо глаз, а на груди — алый камень, огранённый в виде сердца. На груди его ношу я. Никогда не снимаю. Тоже хотел бы тебе сделать подарок, но... Я тебя даже не видел.

Мама, что такое любовь?

Неужели это боль?

Все говорят: чтобы понять, что пришла любовь, надо увидеть Духа в виде струящейся воды, исходящей от человека. Говорят, что эти струи, проникая в человека, приносят ужасную боль.

Нет, я не готов это испытывать.

У меня хороший меч. Если даже эти струи будут терзать моё тело, я их разрублю, как барана. Да, так и будет!

Мам, покажи мне её. Любовь...

Как я уснул, не помню.

Что это за неизвестное волнение разливается по груди, тепло так? Что это, сон?

Будто иду я по дороге, и луна освещает её. И знаю, что надо идти именно туда. Сизая долина вдруг сменилась лесом. Возникли странные деревья, я таких ещё не видел. И вроде дорога была ровной, но идти мне становилось всё труднее, ноги увязали в песке. Смотрю, а рядом идёт ещё человек. Легко идёт, хотя тяжёлую ношу впереди себя несёт.

Я ему говорю: «Дай помогу!»

Он мне: «Ты со своей ношей как справишься?»

И тут почувствовал за спиной ношу. Дышать трудно, такая тяжёлая. Попутчик глянул на меня и так же легко пошёл впереди. Я хочу его догнать, потому что в лесу одному идти стало жутко. С деревьев стали капать капли крови, а под ногами будто хрустели кости.

Попутчик сначала побежал вперёд, потом вернулся.

— Предупреждаю, впереди лежит камень. Переступишь его — пойдёшь дальше, а не заметишь, зацепишься — убьёшься!

— Спаси тебя боги, — говорю ему.

И опять иду, внимательно смотрю под ноги, а тьма сгуща-

ется, и уже ничего не видно. А попутчик кричит, размахивая руками:

— Смотри внимательнее!

Капли крови стали капать на мою голову, я почувствовал их запах. Капли застилают глаза, а я отчаянно пытаюсь их стереть с лица, чтобы не проглядеть камень. Но камня всё нет.

— Камня нет! — закричал я.

— Есть! — донёсся до меня нежный женский голос. Я остановился, прислушался.

— Мама? Это твой голос? Это ты?

— Не-е-ет, — прошептал голос и смолк.

И, э-эх! Я ничего не вижу! Что делать? Куда идти? Вижу, деревья сменились стенами из валунов. Они блестели в лунном свете от влаги. Это они, камни. Сейчас внимательнее. Но плохо видно. Фонарь бы.

И тут же нежный голос издалека:

— У тебя есть уже фонарь, а ты не пользуешься.

«Где фонарь?» У меня были заняты руки. Стой, а зачем мне эта ноша? И я её скинул. Стало легко. И тут я почувствовал на груди тепло. Глядь, а на шнурке висит амулет, из глаз его струится свет и освещает дорогу.

И тут мне стало легко, и я побежал изо всех ног.

И вдруг я цепляю ногой что-то. Камень! Как я его не заметил? Руками и ногами я закрутил в воздухе, словно мельничными лопастями. Я выглядел по-дурацки, как ребёнок,

свалившийся с печи. Но эти шутовские движения спасли моё равновесие: я попрыгал на одной ноге и остановился. Пригляделся, а камень превратился в лужицу и исчез.

Я взглянул на амулет.

И тут появился попутчик, но лицо у него уже было совсем не такое, как раньше, а какое-то искажённое, перекошенное. Он показал пальцем на амулет:

— Отдай! Это не твоё!

— Не-е-ет!

— Это моё! — закричал человек.

И он с такой силой выхватил амулет, что всей моей силы не хватило, чтобы его удержать. Он убежал и растаял.

Стало чудовищно одиноко.

Страшно и одиноко.

Такое ощущение, что меня обманули, и я стою в отчаянии от своего бессилия. Руки стали тяжёлыми, ноги не шли, они опускались в песок, и эта зыбкая масса стала поглощать меня. Я не сопротивлялся и желал смерти — только бы не переживать этих чувств.

Я очень устал.

Песок захватил мои ноги, спину, живот, подобрался к груди.

Я уже попрощался. Подумал, что это всё.

Но вдруг чья-то рука протянулась ко мне, и я вытащил из песочных оков руки. Поднёс их к этой милой тоненькой руке в надежде перед смертью почувствовать нежность женского

прикосновения. Она дотронулась до моих рук, потом погладила по волосам, щеке, глазам.

Мне стало так легко в тот самый момент, когда я испытывал сдавливающую силу песка на теле. А эти прикосновения словно исцеляли ту боль. Непередаваемое чувство, которого я никогда в своей жизни не испытывал.

Я понял, что это счастье.

Что это и есть Любовь.

И как только я это осознал — всё закончилось.

Я открыл глаза.

Ещё долго лежал на тёплых шкурах, не мог прийти в себя от прикосновения. Не хотел потерять это чувство. Устремил взгляд в отверстие шатра.

А там молчали звёзды.

И тонкая, неведомого мне цвета струйка дыма поднималась вверх, рассыпаясь мелкими каплями, сияющими в лунном свете, растворилась в один миг и исчезла. Я подумал про очаг. Посмотрел на него.

Очаг давно остыл, дыма не было.

«Мама, если это ты, то я благодарю тебя, что ты показала мне Любовь. Теперь я знаю, что это.

Спасибо...

И я впервые в жизни сказал эти непонятные доселе мне слова:

— Я нужна ты... Кто бы ты ни была».

Глава 5 Жизнь в Оторе

Тахир вышел из шатра на рассвете, и мир показался ему иным. Петухи орали так же громко, заря разгоняла тьму, люди тянулись к своим делам — но в груди у него было тепло и пусто одновременно. Пустота эта была желанной. Она словно ждала, чем он её заполнит.

У ограды его окликнул Ярс. Друг сидел на перевёрнутой телеге, чистил меч и явно поджидал князя с самого утра.

— Выспался? — спросил Ярс, не поднимая головы.

— Выспался.

— И улыбается. — Ярс оторвался от клинка, прищурился.
— Это мне не нравится.

— Тебе никогда ничего не нравится, — усмехнулся Тахир, присаживаясь рядом.

— Нравится, когда всё как обычно. А ты ходишь, словно мёду объелся. Или того хуже — влюбился.

Тахир промолчал, и Ярс, уловив это, присвистнул.

— Боги, только не говори, что это правда.

— Не скажу, — ответил князь спокойно. — Потому что сам не знаю.

— Ну, тогда дело ясное: ты заболел. Надо к Аттюку.

— К Аттюку? — Тахир поморщился. — Ты меня лечить собрался его руками?

— А что, — Ярс хмыкнул, — он хоть в чём-то полезен.

Если не вылечит, так напугает. Глядишь, твоя хворь и пройдёт.

Тахир хотел ответить, но в это время калитка соседнего двора скрипнула, и на улицу вышла женщина с корзиной. Увидев князя, она прижала корзину к груди и замерла, не зная, то ли поклониться, то ли обойти стороной.

— Здравствуй, — сказал Тахир, и она вздрогнула.

— Здравствуй, князь, — ответила быстро, метнулась к воротам и скрылась.

— Видишь? — Ярс кивнул ей вслед. — Боятся.

— Я знаю.

— А ты почему им улыбаешься? Они же думают, ты зубы скалишь перед тем, как отрубить голову.

— Может, хватит уже отрубать? — тихо сказал Тахир.

Ярс замер, отложил меч.

— Это ты серьёзно?

— Не знаю. — Тахир поднялся, потянулся, чувствуя, как хрустят плечи после ночи на жёстких шкурах. — Просто сегодня... сегодня я смотрю на всё и вижу как бы со всех сторон. Даже внутри.

— Внутри чего?

— Всего. Коней на пастбища повели. Женщины котлы разогревают. Дети ещё спят. Всё идёт своим чередом, — он помолчал. — И мне не хочется это рушить.

Ярс долго смотрел на него, потом поднялся, хлопнул по плечу.

— Ладно. Пойдём, покажу тебе твоё «всё идёт своим чередом». Только не пугай людей, ладно?

Они обошли улочки Отора не спеша.

У длинного дома, где заседал Совет, возились торговцы, готовя повозки к выезду. Тахир остановился у одной из них, провёл рукой по кожаной упряжи.

— Хорошая работа.

— Наша, — хмыкнул Ярс. — Не в городе покупали.

— Я знаю. Я и говорю: хорошо, что сами научились.

Из-за повозки выглянул молодой парень, узнал князя, вытянулся.

— Ваша Светлость...

— Не бойся, — сказал Тахир. — Кожа хорошая. Продадите?

— Так уже всё продано, — парень покраснел. — До зимы ещё две повозки снарядим.

— Молодцы.

Парень выдохнул, едва они отошли.

— Слышал? — спросил Ярс. — Он думал, ты сейчас спросишь, почему не отдали князю даром.

— Пусть думают, что хотят.

— А ты чего хочешь?

Тахир не ответил. Они прошли мимо кузницы, мимо амбара, где ссыпали зерно, мимо длинного сарая, где женщины чесали шерсть. Оттуда доносился тихий говор и смех.

— Работают, — заметил Тахир.

— А ты думал, они будут ждать, когда ты им прикажешь? Они тебя и так боятся.

— Я же не трогаю их.

— Так бояться не обязательно, когда трогают. Бояться, когда смотрят. А ты смотришь так, что им кажется, ты их насквозь видишь.

Тахир задумался.

— Я просто смотрю.

— Вот и плохо.

Они вышли к воротам. Там уже толпились мужчины — те, кто собирался в город торговать. Кто-то правил сбрую, кто-то пересчитывал мешки. Тахир заметил, как при его приближении стихли голоса.

— Не надо, — сказал он вдруг. — Делайте своё дело. Я просто посмотрю.

Люди переглянулись, но постепенно шум вернулся.

Ярс стоял рядом, скрестив руки на груди, и наблюдал за князем.

— Ты что, правда, решил стать добрым?

— Не добрым. — Тахир усмехнулся. — Мудрым, что ли. Или просто уставшим.

— Устал — поспи. А не ходи и не улыбайся, народ пугаешь.

— Ярс, — Тахир повернулся к нему, — когда ты в последний раз видел, чтобы я улыбался?

Друг нахмурился, почесал затылок.

— Не помню.

— Вот. А теперь я улыбаюсь, и ты говоришь, что это плохо.

— Потому что непонятно, — вздохнул Ярс. — Ты всегда был грозой. А теперь ходишь, как младенец выкупанный в молоке. Или влюбился.

— Ты уже говорил.

— И повторю. Потому что для мужчины нет хуже болезни.

Тахир рассмеялся — негромко, но Ярс вздрогнул.

— О, боги, — сказал он. — Точно заболел. Надо Аттюка позвать.

— Не надо Аттюка.

— А кого надо?

Тахир посмотрел на ворота, на дорогу, что вела к Ситте, на людей, которые готовились к поездке.

— Никого. Просто... я сегодня понял одну вещь.

— Какую?

— Что можно не убивать, чтобы жить.

Ярс открыл рот, закрыл, потом медленно кивнул.

— Это ты во сне увидел?

Тахир промолчал.

— Дурной сон, — сказал Ярс тихо. — От таких снов не выздоравливают, князь. От них или сходят с ума, или становятся...

— Кем?

— Не знаю. Святыми, что ли. А святые долго не живут.

— Я не святой.

— Я знаю. — Ярс хлопнул его по плечу. — Поэтому, может, и выживешь. Пойдём, покажу, какие сапоги скорняжники сшили. Такие ладные, что даже князю не стыдно надеть. А то ходишь в своих старых, люди думают — ты обеднел.

— Пусть думают.

— Нельзя, — твёрдо сказал Ярс. — Князь должен быть богатым. Чтобы народ знал: если князь сыт, то и мы не пропадём. Это закон.

— Какой закон?

— Мужской, — усмехнулся Ярс. — Пойдём. И перестань улыбаться, а то женщины перестанут бояться, а это уже не порядок.

К вечеру Тахир вернулся в свой шатёр. Долго сидел у очага, глядя на угли.

«Что со мной? — думал он. — Почему я чувствую то, чего не чувствовал никогда? Почему мир стал объёмным, как чаша, которую можно наполнить?»

Он вспомнил женский голос из сна, прикосновение тонких пальцев к щеке.

«Кто бы ты ни была...»

Он не закончил мысль. Поднялся, вышел из шатра и направился к святылищу — туда, где в тишине можно было остаться наедине с тем, что не имело имени.

Люди провожали его взглядами, но не останавливали. Князь сегодня был другим. И они пока не знали, хорошо это

ИЛИ ПЛОХО.

Глава 6 Знакомство в саду

Кочевники без проблем переместились под защиту союзника и расположили свою общину под западными стенами Ситты. Всю зиму Отор торговал товарами. И в знак благодарности весной князь решил прибыть с визитом в царские палаты к владыке Предгорья Митру. Царь нехотя согласился принять Тахира и послов.

Князь набрал подарков и отбыл в город Ситту.

Хозяин Предгорья хоть и был терпеливо благосклонен к княжеству ремесленников, но к самому князю не располагал душой. Общался скупыми фразами, угощал вином, сам пил и вёл разговоры со своими министрами.

Тахир чувствовал напряжение, но с уважением принимал угощение и рассматривал пирующих гостей. Он понимал: надо, во что бы то ни стало заручиться договором и продолжить торговлю с городом. В его интересах соблюдать правила и держать слово.

Пир завершался. Гости покидали дворец.

Трудно судить, насколько доверяет царь Митр князю разбойников, но подарки приняты, слова сказаны, договорённости в силе. В конце трапезы царь великодушно предложил князю Отора и свите прогуляться по садам царского дворца. Князь принял предложение и пошёл, сопровождаемый министром, в знаменитые сады Ситты, за которыми, говорят,

ухаживает сама принцесса.

Министр проводил гостей до аллеи, оставил им слугу, а сам ушёл.

Несмотря на некое чувство победы царя Митра над князем, Тахир решил насладиться успешным заключением сделки и немного отдохнуть. Он отдалился от свиты, махнув им: мол, отстаньте, я погуляю сам.

Сад разрывался от полуденного щебетания птиц. Они устроили такой ор, что стало как-то не по себе. Дикая шум словно выталкивал из этого прекрасного места.

Хотя сам сад Тахиру понравился.

Обширная поляна была интересно оформлена: ступени, по которым бежала вода, заводи с диковинными водными растениями, могучие деревья и цветущие кустарники. Всё благоухало так, что хотелось лечь на траву и уснуть. Голова кружилась от ароматов или от этой птичьей какофонии.

Он прохаживался по засыпанным галькой тропинкам и вышел на солнечную поляну с цветущими маленькими кустами. Их было великое множество, и расцветка его немало поразила. Тахир нагнулся, чтобы рассмотреть цветы поближе.

Тут за спиной раздался девичий голос:

— Правда, эти цветы красивые?

Князь от неожиданности резко обернулся.

На тропинке стояла девушка в одежде садовницы. Головка в светлом чепчике то и дело вертелась на тонкой шее. Она

что-то говорила, взмахивая то правой рукой в сторону цветов, то левой.

«Невежественно не поклониться присутствующему господину», — подумал про себя высокомерный князь. Ухмыльнулся, но тут же сменил гримасу и сделал лицо проще.

Садовница увлечённо рассказывала о сортах этих цветов — откуда они родом и как за ними стоит ухаживать. Её повествование не казалось ему интересным.

— Остановись! — не выдержал гость и сделал жест рукой. — Я здесь просто отдыхаю. Не утруждайся. Конечно же, я заметил, что здесь прекрасный сад и чудные цветы. Прделано много работы, чтобы добиться такой чистоты и порядка. Мне бы такого управляющего в город навести порядки, а то эти ленивые бездельники явно заслуживают сурового наказания.

— Зачем же сразу наказание? — сказала смелая садовница. — Надо научить их любить растения, и всё.

Девушка не переставала говорить о своих цветах, чем порядком надоела гостю.

Вдруг Тахир заметил, что в округе стало не так шумно, как в начале прогулки. Это затихли птицы. Он поднял указательный палец.

— Слышите? — спросил князь девушку.

— Нет, — ответила она.

— И я нет.

— Потому что тихо? — спросила, улыбнувшись, садовни-

ца.

— Да, почему-то стихли голоса птиц, — прислушался к изменению в природе князь. — Что-то случилось? Они чем-то напуганы.

— Нет, ничего не случилось. Просто они меня слушаются, — сказала девушка.

Тахир удивлённо поднял бровь.

— Да это очень просто. Когда я здесь, они тихо щебечут. Когда ухожу — начинают шуметь.

— Возможно, вы фея? — насмешливо спросил князь.

— Не угадали.

— Тогда вы — божество, — с равнодушием одарил комплиментом садовницу уставший от этой беседы князь.

Она засмеялась.

И тут Тахир уловил в её чертах что-то отдалённо знакомое.

«Мог ли я её где-то видеть?» — подумалось ему.

А она как-то нескромно смотрела снизу вверх ему прямо в глаза своими широко распахнутыми глазами-бусинами, хлопала ресницами, как ребёнок, и радостно улыбалась. Словно хотела чем-то поделиться, но не могла. Бесстрашная, видимо!

Что-то тёплое и смешное отозвалось в груди, но стало немного больно, и он очнулся.

Она молчала, и он начал, перейдя на «вы»:

— Вы любезны и приятны мне. Мне кажется, я вас где-

то встречал. Ваше лицо мне кого-то напоминает. Может, виделись на рынке? Сейчас мои люди торгуют в городе — вы, возможно, приходили к ним?

Она отвела взгляд в сторону:

— Нет, я вас никогда не видела, хоть на рынке часто бываю.

И резко опустила глаза. Он видел, что её лицо залилось румянцем.

— Простите, я должна работать, — вдруг оборвала этот пустой разговор садовница.

— А, хорошо, не буду отвлекать.

Она сказала «благодарю». И даже не склонила голову в знак уважения — убежала вглубь царского сада.

«Я только что увидел самую красивую розу в этом саду!» — хотел было шутя крикнуть вслед убегающей садовнице. Но, князь удержался.

«Надеюсь, что юная барышня, наконец, осознала свою оплошность и так быстро ретировалась с поля боя. Моя бы служанка сейчас отхватила наказания — перебрать мешок зерна. Совершенно невоспитанные подданные здесь!»

Он поправил волосы, княжеский венец, нагрудную шёлковую ленту и пошёл к выходу.

«Задержался я тут. Залюбовался».

Глава 7 Принцесса и её - Тот самый

Дэна вбежала в свои покои и рухнула на софу как была.

В её голове мысли роились, как пчёлы во время весеннего облёта. Она никак не могла прийти в себя от встречи с незнакомцем в саду:

— Не-е-е-т, это невозможно! Это невозможно! Непостижимо! Он был здесь. Снова. Он был тут! Так рядом. Он говорил со мной. О, боже! Это невозможно!

Двери в покои принцессы отворились, и служанка впустила Первую фрейлину.

«Ох, зачем она пришла? Я хочу остаться одна со своими Духами и печальями. Как же её бывает много в моём душном мире!» — заскулила принцесса.

— Мне срочно нужно с Вами поделиться новостями, — протараторила фрейлина и стала размахивать опахалом, пытаясь остудить порозовевшее личико.

— Что ещё?

— Ох, Ваше Высочество, Вы не представляете, кого я сегодня повстречала!

Она закрыла ладошкой свои пухлые розовые губки и подкатила глазки.

— Это была восхитительная встреча! Я не знаю, кто это, но он - идеальный мужчина для меня!

И девушка начала перечислять достоинства своего слу-

чайного незнакомца.

— Ты же знаешь, как мне нравятся высокие мужчины Северной стороны Тиды. Они такие мужественные, такие суровые и холодные, что так и хочется их растопить своей нежностью. И будь уверена, что если бы он меня поманил, то я бы отдала ему всю свою нежность, окутала бы теплом своего сердца и подарила жаркие поцелуи! Так он хорош!

«Сегодня было много посетителей у отца. Интересно, о ком она говорит?» — зевая, подумала принцесса.

А фрейлина, подкатив глаза, продолжила:

— Я поднимаюсь по парадной лестнице, а эта недотёпа-служанка вдруг наступает мне на шлейф, представляешь? Какая глупая ситуация! Я оступаюсь и понимаю, что вот-вот просто свалюсь, как селянский тюфяк. И покачусь вместе с ней вниз... Но! Меня неожиданно подхватывают на руки, и я оказываюсь в объятиях самого умопомрачительно красивого и благородного принца. Ох! Как понимаешь, я обомлела от этого. Всё смешалось в голове! Какая-то нелепая ситуация!

Она эту фразу повторила несколько сотен раз. Видимо, от того, что этот конфуз попался на глаза всем посторонним.

— Ой, что теперь подумают, что скажут обо мне?! — волновалась фрейлина и быстрыми цыплячьими шажками носилась с одного края покоев в другой.

— Эта дурёха выставила меня в дурном свете. Я её выгнала без содержания, — продолжила девушка строгим голосом недовольной госпожи.

— Ну, тут ты уже поступила глупо. Зачем выгонять? Можно было просто отправить её к прачкам на месяц.

— Фи, скажешь ещё! Потом вернётся и ещё чего учудит.

— Не нужно так. Поработала бы в прачечной — и это достаточное наказание, я так считаю.

Фрейлина поджала губки, виновато глянула на неё. Принцесса подняла голову от подушек и обратила на девушку свой гневный взгляд, после которого та отвела глаза, смягчила напряжённую стойку и ответила:

— Хорошо, Ваше Высочество. Я дам распоряжение изменить наказание.

— Так-то лучше! Продолжай, — сказала Дэна и уткнулась в подушку.

Она почти не слушала её, потому что сама сегодня встретила Своего незнакомца. И думать собиралась только об этом.

— Какой мужчина! Такой статный и красивый. Точно принц! Хотя принцы сейчас такие хлипкие, всё больше болезненные или зануды. А этот, м-м-м! Моя мечта! Его роскошные каштановые волосы спадают на широченные плечи. А лоб окружает серебряная оправа. И что самое восхитительное — справа в локон волос вплетено перышко птицы. Представляешь, как романтично! Он слегка побрит, и эта его борода с благородной сединой просто свела меня с ума. Кожаный кафтан с роскошной лисьей опушкой, какие-то странные тиснёные узоры на нём. Высокие сапоги с серебристыми

шпорами, на груди лента, видимо, с гербом его царства. Так скромно и со вкусом одет, что немало меня поразило! А глаза! Ты бы видела его глаза! Голубые озёра Тиды не сравнятся с великолепием этих глаз...

— Достаточно! — оборвала её принцесса. — Неужели ты за такой короткий момент успела разглядеть даже узоры на его одежде? Странная встреча.

Уже более нельзя было слушать описание того, *кого* встретила в саду *она*.

Фрейлина точно описала гостя в её саду. Но её страстные слова возмутили в Дэне ревность.

Принцесса углубилась в свои детские воспоминания.

- Ты помнишь, тогда в детстве, случай в саду? – спросила принцесса свою спутницу.

- Какой случай? – переспросила фрейлина.

- Тот самый, - раздражено сказала Дэна. – Когда Его Величество организовал встречу всех глав царств и мелких княжеств Тиды. Тогда еще был пир...

- Что-то припоминаю. А не тогда ли ты нас потащила в сад и бросила в темноте? – прищулив глазки, спросила фрейлина.

Ну, да-да, я вас забыла... - нехотя оправдывалась принцесса.

- Пс, из-за какого-то мелкого кочевника, - вздохнула девушка, припоминая неприятное ощущение. – Кругом темень, жуки и приведения. Брр!

- Да, конечно. Когда я пришла, от вас остались одни туфельки. Вас там, в кустах доедали мерзкие слизи... - засмеялась Дэна.

- Ой, фу! – засуетилась брезгливая до улиток фрейлина. – Зачем Вы, Ваше Высочество вспомнили про них? Я же их не переносу! Как ужасно! – она стала смахивать с себя невидимые нити слизи, и это выглядело смешно.

А принцесса легла на подушки и снова начала вспоминать тот вечер.

Свита какого-то небольшого города появилась на праздничном балу по поводу создания Союза государств Острова Тида. Были приглашены главы даже небольших общин.

Народу в те дни было множество — похоже, было на волнуемое, качающее свои блестящие волны море. Встречи проходили ежедневно, отец и министры подписывали бумаги, составляли договоры и, конечно, много пировали.

Она запомнила, что уже в последние дни торжеств царь давал приём главам кочевых племён, чтобы понять их цели на земле Северной части Тиды. Они очень отличались от них. Своим видом даже пугали. Крепкие телом, смуглые от постоянного нахождения на солнце, в добротных одеждах из шерсти, кожи и хорошего меха, расшитой диковинной вышивкой – они не казались простолюдинами.

Заседание, помнится, длилось долго, до вечера. Потом, сопровождаемые министрами, они расходились по своим повозкам и с грохотом деревянных колёс покидали дворец.

Дочери было всегда интересно наблюдать, как проходили беседы, как реагировал отец на разных людей — цари это были, главы городов или вожди общин. Сгорая от любопытства, она просилась быть рядом возле трона отца. Он не перечил, наоборот, был только рад.

Дэнизе шла четырнадцатая весна.

Помнится, самым последним царь принимал главу небольшой общины кочевников. Те просили занять свободные земли на северо-западе Тиды.

Митр сказал, что в запрашиваемых местах мало источников и поэтому народ общины может страдать, а потом с набегами нападать на другие общины. Не хотелось бы терять мир, дорогой ценой устоявшийся в той части острова.

Среди послов был молодой человек.

Он смело смотрел в глаза отцу. Молча стоял в стороне. Его рука твёрдо держала за рукоять меч. Длинные пряди каштановых волос спадали на плечи, а голова была перевязана тканым поясом расшитым серебряными нитками.

Дэна вспомнила, как возникли первые незнакомые чувства в тот день.

Она стояла, держась за спинку царского трона, и наблюдала за ним. А так как приглашённые послы стояли в трёх саженях, она могла хорошо разглядеть юношу.

В один момент она уловила взгляд молодого человека. Глаза его были — просто небеса, такие прозрачные и голубые, что не забыть никогда. Прямой и уверенный взгляд

вдруг опустился в пол. Он смутился, едва сдержал улыбку, а она заметила это. И когда ещё раз поднял глаза, то уже был серьёзен, смотрел только на царя, не смея глядеть по сторонам.

В этот момент посланники представили юношу как наследника общины кочевников и представителя власти..

Посланники заверили, что выполняют обещание, сохраняют порядок, будут развивать хозяйство и торговать в своих пределах, не будоража цены на рынках.

Приём был окончен, и, обращаясь к выходу, молодой наследник ещё раз бросил взгляд на неё. Что очень тронуло её детское сердце. И правда, он был не просто красивым, а был мужественно прекрасным. Вот бы ещё раз встретиться! Ничего, что он всего лишь наследник общины кочевников. Ну, просто так.

Отец с великодушием пригласил гостей посетить заложенный новый сад, отдохнуть перед дорогой после царского угощения.

Дэна об этом услышала и бегом помчалась через правое крыло дворца, чтобы незаметно выйти к саду. По пути схватила за руки парочку фрейлин, лениво шатающихся по коридорам, и сломя голову потащила их во дворы. Ещё один раз увидеть *его*.

Вдруг это единственная встреча и она потом его больше никогда не увидит.

Поразительно действует женская логика: если что вздума-

ется, то этому непременно надо случиться. Потом будут говорить о случайности, но нет — случайностей не бывает. Все случаи планируются в женских головах для того, чтобы не скучать, наверное. И даже Духи никак не могут этому противостоять.

В голове вмиг нарисовался план сада и возможные пути прохода делегации кочевников. Их обычно сопровождает слуга. Значит, тот поведёт их в самые лучшие и ухоженные уголки? Так и есть. И пока гости начинают свой неспешный путь с начала аллеи, они пробегут по косой, сокращая путь, выйдут к срединному саду, откуда откроется вид на самые лучшие посадки цветочных клумб. Там-то принцесса и намерена *невзначай* встретиться с одним из посетителей.

И вот запыхавшиеся фрейлины были оставлены на дорожке в глубине темнеющего сада. А сама принцесса, перебежав через лужайку, вышла напрямик навстречу гостям, прохаживающимся по освещенным дорожкам. В ее голове была только одна цель, а сердце горело одним желанием: ах, как бы она хотела с ним заговорить.

По этикету первой не положено. Ох! Вот бы он спросил что-нибудь. Про сад спросил или цветы, сказал, что погода хороша или что-то в этом роде.

Она бы ответила ерунду, но услышала бы его голос.

Какие наивные мысли роились в её юной голове — она, наверное, казалась себе безумной и запретно смелой, чтобы допускать такие мысли.

Сейчас бы её мачеха сказала о недопустимых поступках нынешних девиц высшего общества, и заперла бы её в Башню с Драконом. Который, кстати, умер от любви и одиночества ещё триста лет назад.

И вот приближаются люди.

Оживлённо обсуждают приём.

Смеются.

Принцесса остановилась на полянке, где рос куст розы редкого жёлтого цвета — её гордость и украшение сада.

Послы, заметив царскую особу, от неожиданности шарахнулись, будто увидели Священный огонь. Склонились, и заторопились к выходу.

Молодой наследник кочевников шёл замыкающим. Он, проходя мимо цветущих кустарников, заметил девушку, узнал её, склонился в поклоне. Он выпрямился, и их глаза встретились, подошёл ближе к принцессе.

Ком к горлу Дэны подкатил такой, что она как рыбка стала глотать недостающий воздух в страхе задохнуться. Выдавила же из себя:

— Очень рады Вас видеть в нашем саду!

А он возьми и ошарашь её странной фразой:

— Благодарю Вас, Ваше Высочество, мне здесь очень понравилось. Я увидел самый красивый цветок в этом саду!

«Фу-у-ух», — выдавила она из себя воздух, словно из кузнечных мехов.

Послы ушли. Дэна стала приходить в себя, почувствовала,

что щёки налились кровью и, наверное, она побагровела от смущения.

Её фрейлины как тупые курицы прибежали перепуганные темнотой, топтались рядом и ничего не понимали.

Так ничего конкретного не разузнав, они заторопились во дворец.

А принцесса, изумлённая этим кратким и необыкновенным событием ещё долго стояла возле цветущего куста розы и была неимоверно счастлива этой незапланированной... э-э-э, запланированной встрече.

Принцесса вспомнив тот вечер, прижала к своей пылающей жаром груди подушку и шепотом проговорила сама себе:

- Но. Сейчас увидев, он меня не узнал, расстроено прошептала Дэна.

Конечно же, прошли годы. И он возмужал, и она стала другой.

- Ой! Я же была в одежде садовницы! Вот голова без мозгов! Он так меня не узнал. - Ах!

Она ощущала, как тяжёлые волны горьких чувств накатывают изнутри – досада, разочарование, жгучий стыд за собственную глупость и глухое, щемящее одиночество, от которого сжималось горло. В груди ныло что-то необратимое, словно рухнула не просто надежда, а целый мир, выстроенный на вере и ожидании чуда. Этот день для принцессы закончился не просто катастрофически – он обрушился на неё,

как каменный свод, оставив лишь эхо разбитых иллюзий и тяжёлую пустоту внутри... И не с кем было поделиться своими переживаниями.

Какая из неё принцесса, если она всё своё время проводит в лесу, собирая лекарственные растения. Сама же сбежала от женихов, которых подбирал ей отец и мачеха.

- Интересно, а за *этого* отец отдал бы меня? – с надеждой фантазировала принцесса. - Наверное, нет. Если только он не князь города с населением в пятьдесят тысяч душ. У-у-у...

- А вдруг у него найдётся столько? Ммм...- пыталась из последних сил обнадежить себя, но не получилось.

После такой головокружительной встречи Дэна ещё долго не сможет прийти в себя. Только Дух Леса может хоть как-то её успокоить. И она на следующий день решила отправиться в свой укромный уголок — лагерь Лекарей.

Там уже давно ждали её верный помощник и друг Никодим да полуслепая Знахарка Салга.

Всю дорогу принцесса только и думала об одном:

«Ах, если бы отец позволил нам иметь хоть какую-то чародейку, то я бы непременно к ней сбегала и спросила погадать. Но Его Величество после того случая больше не подпускал к Тайным делам колдунов, магов и чародеек. Он выслал их из города Ситты в пещеры каньона Отуз. Жаль».

Глава 8 Изгнание

Парламентёры Отора, уставшие, но довольные результатами поездки, разошлись по жилищам. Соглашение с царём Предгорья было заключено.

Было уже далеко за полночь.

Община кочевников могла спать спокойно. Скоро сезон дождей, и надо подготовиться, чтобы успеть собрать скошенное сено, которого в этом году жнецы накопили в достатке. Работы было много, да ещё приходилось охранять поля. На дальних пустошах к востоку не давали покоя Горбатые кони. Поймать их было невозможно: они ночами носились по степи и мяли сочные травы своими мелкими копытцами. Из намеченных покосов на равнине они вытаптывали за сезон огромные участки. Стрельцы не могли попасть в этих мелких лошадей — до того они были быстры, что ураган. Говорят, за ними гоняются Твари с Гнилого озера, желая оседлать, но скорее всего — для пропитания своего родившегося зимой потомства.

Тахир распластался на лежаке, устеленном шкурами волка. Сменились ночные стражи, позванивая металлом оружия, и опять всё стихло.

Князь закрыл глаза и провалился в глубокий сон.

А к утру снаружи слышался шум. Он казался неестественным. Во дворах слышался беспокойный говор стра-

жей, необычная суета и громкие голоса. Послышались звенящие звуки.

А это уже был скрежет мечей.

Тахир соскочил с лежака, схватил лежащий под рукой меч и выбежал из шатра.

Его взору открылось невиданное безумие. Что-то злое ломилось по дорогам города, издавая грозный топот и шелест лат. Стражники пытались остановить это движение, но ровный строй тёмной массы наступал в сторону Совета Общины.

Тахир увидел штандарт, развивающийся впереди колонны. Это был отряд стражи Ситты.

Что произошло за это время, пока поселение Отор только просыпался от сна? Задаваться этим вопросом было некогда.

Тахир опередил отряд, выбежал и стал впереди непрошенных гостей. Его окружили свои стражи и наперебой твердили, что отряд, возглавляемый военачальником, вошёл в город без уведомления.

— Попрошу объяснить! — Тахир вскинул левую руку вверх для внимания, правой держа наготове меч.

Впереди стоял оратор и держал в руке свиток. Он раскрыл нервным движением рук свиток и грозно выдал распоряжение царя Предгорья...

Уши князя не поверили тому, что говорил глашатай. Брови Тахира вздернулись от недоумения, глаза расширились, голова не могла соображать.

Что произошло за ночь?

— ...Поэтому до полудня общине Отора приказано убраться от стен города Ситты за пределы реки на расстояние двух тысяч луков. Иначе придётся применить силу! В переговорах отказано!

Гневный взор и громкий голос генерала не давали никакого шанса на милость со стороны царя Ситты:

— Указ Его Величества незамедлительно выполнить!

Тахир начал спешно соображать.

«Не понимал, что это? Как? Ведь только вечером всё так хорошо сложилось. Что произошло, побори их твари?!

Я орал на всех! В лицо генералу и стражам, желание которых было расчехлить мечи и сразиться со мной, но я сдержался, помня об ответственности перед своим народом. Нам не нужна бойня. Иначе мы положим свои головы тут. Столица Тиды – город Ситта с каждым годом наращивал силы своей армии».

Отряд развернул свой строй и, шумно чеканя шаг, удалился из города, оставив за собой клубы вздымающейся пыли.

Вот это доброе утро!

— Что, тварь вас подери, произошло? — орал Тахир на площади среди перепуганных стражей и проснувшихся жителей. — Совет Общины — сюда! Послы — сюда! Бегом! Чего стоите, черти!

— Есть! — один солдат подскочил и побежал к Главному зданию города.

— Что произошло?

Он держал в руке свиток с уведомлением и царской печатью. Сбежавшиеся за стол члены Совета, министры и вчерашние послы смотрели на свиток и не верили своим глазам. Никто не понимал причины разворота благосклонности союзника в обратную сторону.

Каких богов они разгневали, что за несколько часов нужно покинуть насиженное место и двинуться опять в пустыню, где одни колючки и камни?

— Он нас отправил за реку. Как же мы без воды?

Лоб Тахира покрылся холодным потом.

— Выяснить причину! Найти возможность просить милости отменить приказ. Иначе...

Он не мог придумать, чем закончить фразу. В голове судорожно стали выстраиваться схемы решения возникшей проблемы.

Пришлось отправить послов опять к воротам Ситты. Но они вернулись ни с чем.

— Приказано убратся! Они уже стягивают к воротам своих воинов, — ответили послы.

Так. Значит, мирно не получится.

Ярс вступился в разговор:

— Надо уходить. Мы не сможем драться. Это будет мессиво.

— Я не уйду! — не сдерживая порыв гнева, кричал Тахир на друзей и министров.

— Надо уходить! — просили выскочившие из-за стола советники. — Безрассудно биться с армией, когда нас всего несколько отрядов.

— Надо всё выяснить! Отправьте новых послов!

— Поздно. Они начинают жечь костры! Это означает, что они подожгут траву, и огонь пойдёт к нам. Мы его не успеем потушить из-за ветра — загорится сено, уложенное под стенами. И чем это закончится?

— Отправьте снова послов! — кричал Тахир на своих подданных.

Ещё была надежда, что царь одумается и пришлёт пояснение.

— Нет, я пойду к нему сам!

Советники согласились. Он как был, оседлал коня и ринулся к городу.

Ему отворили городские ворота и впустили в город одного, без свиты. Проводили на площадь, где уже собрался народ Ситты.

Головы летят во все времена.

Царь сидел на троне под шатром.

На площади стояли люди, они окружали надстройку для судилища. По правую сторону от царя сидели Судьи, а по левую расположились Вершители.

Когда Тахир направлялся к этому месту, люди расступались.

Как будто ждали его.

По недоброжелательному виду царя, на лице которого нервно играли мышцы, было понятно, что произошла ситуация явно не в его пользу.

— Я тебя ждал! Но времени нет. Твоему народу приказываю убраться от стен моего города и впредь не появляться. Торговые соглашения расторгнуты.

Он наклонился в сторону Тахира и оскалил зубы:

— Как был шакалом, так и остался! Зря я тебе поверил. Не может шакал измениться и стать послушным псом.

— Я не понимаю причины Вашего решения. Прошу Ваше Величество объяснить такое вероломное предательство. Ведь еще вчера...

— Что? — засмеялся он. — Предательство? Ты говоришь о моём предательстве? Щенок! Скажи, это твой человек? — и Митр взмахнул рукой в сторону стоящего на коленях, трясущегося от страха мужчины в одежде торговца. — Ты узнал своего человека?

Да, Тахир узнал.

Это был их человек — ремесленник, торговавший кожей на рынках города.

— Так вот. Этот... покусился на добро Моей страны. Это вор, обокравший чиновника.

— Не может быть. Воровства у нас нет! — с уверенностью ответил Тахир.

— Ты уверен? А вот я не уверен! У него среди товара нашёлся мешок с серебром, который он похитил у чиновника,

опоив его вином. Это государственные деньги, которые чиновник нёс от сборщиков податей.

Тахир глянул на торговца. Тот крутил в стороны своей обезумевшей головой, показывая, что это не он.

— А если это не он? — спросил Тахир.

— Проверка показала, что мешок нашли у торговца кож. На шее у него перевязь с медной чеканкой вашей общины. Значит, это ваш человек. Товар ваш, а деньги наши.

— А если это провокация?

— Помилуйте нас, Высшие силы! — вознёс государь Предгорья руки к небесам. — Зачем нам нужны склоки? Мы неплохо торгуем с общинами. Вы доставляете нам нужный товар, мы даём вам право здесь его продавать и жить со своих доходов. Ещё и охраняем ваши вонючие станы возле своих стен, — снова оскалился Митр. — В договоре о сотрудничестве строго наказываются убийцы, воры, распутные девицы и попрошайки.

— Этот вор будет заключён под стражу до вынесения наказания, которое мы решим ему предъявить! Сам знаешь, если бы у него было три руки, то и трёх лишится, не оставив своей семье шанса для выживания. — Покиньте город! Я жду до полудня!

— Я не вор! — крикнул мужчина. — Это не я! Я честно трудился на благо общины, Ваше Превосходство! Князь... — взмолился он, захлёбываясь слезами. — Это не я, поверьте мне! Поверьте мне!

Он кричал всё время, пока его не утащили стражи. Тахир быстро взвешивал, искал решение.

Даже если не так, даже если человека подставили, какой смысл царю затевать такой скандал?

В любом случае придётся уходить.

А это значит — лишиться всего. Община стала большой, она уже и так разрослась до двух поселений. Одно торговало с городом изделиями и продуктами. Другое село занималось разведением животных в степи. Ещё год или два — и Отор стал бы городом. Рано... Не время...

Но ситуация так сложилась, что надо было возвращаться назад, в степи.

Это не представлялось возможным: там их ожидала гибель от недостатка воды и пищи. Если торговля запрещена с Ситтой, то к Приморскому Царству не подобраться — там город окружён другими поставщиками продуктов и товара.

Катастрофа неминуема.

Это понимал Тахир. Но надо было собираться, или царь сожжёт поля с сеном.

Советники объявили кочевникам Великое передвижение.

За сбором следили со стен Ситты. Стражи направили в сторону Отора свои стрелы.

К вечеру стан Отора едва успел отойти от стен города, который кормил и поил людей столько времени.

Тахир обернулся. Стены Ситты темнели вдали, поглощая закат. Где-то там, за ними, осталась девушка в саду, которой

он так и не сказал даже своего имени. И она не узнала его. Может, и к лучшему.

А осенью приполз в родной стан, отпущенный безрукий заключённый. Семья, опасаясь позора, хотела выгнать его. Но он слезно уверял свою жену в непогрешимости, и она оставила инвалида, взвалив на себя ещё и эту тяготу.

Глава 9 Лагерь Лекарей

Лес стал затихать.

Пора осени отправляла большинство птиц за море, а мелких животных — под землю. Окрепшее за лето потомство оленей и ланей пряталось высоко в горах от зорких глаз охотников.

Больных снова стали приносить в шатры к лекарям. Мор выкашивал всех: детей и крепких крестьян.

Помощник Дэны Никодим заносил в тёплую юрту лихорадившую девочку.

— Опять укус лягушки, — пробормотал он, накладывая на рану повязку с травами.

— Как осень, так и начинается эта зараза, — добавила Дэна.

Никодим был невысоким парнем, коренастым, жилистым. Он хорошо бегал по лесным склонам, доставлял воду от водопада, заготавливал дрова. Но, странно, он не был похож на местных. Его гордая осанка и тонкие черты лица говорили о лучшем происхождении, хотя он сам не знал о себе ничего.

Ему, конечно, хотелось узнать о себе. Но для этого надо было идти через гору до Каньона Отуз, где расположились высланные подальше от города Ситты колдуны и жрецы. Далекий путь туда кишел не только лешими, но и пещерными тварями, те обладали способностью наводить на путника та-

кой морок, что он заморачивался и следовал туда, куда тянули его эти твари.

Там, в пещерах, пропало много бедолаг.

Дэна вздохнула и опустила уставшие плечи. Сидя у очага, она наблюдала, как языки огня облизывали котёл с варевом.

Ей показалось, что огонь показывает какую-то историю. Кони, овцы, люди. Вся эта толпа куда-то движется, а за ними наблюдают стрелы и мечи и подталкивают людей идти быстрее.

— Ты слышишь? — спросил Никодим.

— Что?

— Опять сыч ухает.

— Умрёт кто-то, — сказала девушка, не отрывая глаз от пламени.

Никодим вздохнул.

Опять приходил этот человек. Принёс хлеб.

— Что сказал? — спросила она.

— Благодетель. Скорее всего — немой. Просто помотал головой. Потоптался и ушёл. Станный какой-то, но я уже привык к его неожиданным визитам. Молчит, да и ладно. Хоть хлеб приносит.

— Ага.

Из рук Никодима выпала ложка, которой он хотел размешать отвар.

— Придёт кто-то, — устало сказала Дэна, не меняя позы.

— Ну, да. Женщина.

Вокруг было тихо. Слышно было, как ударяются о полог юрты опадающие листья, и только тяжёлое дыхание больной девочки не давало заснуть лекарям в эту тихую наступающую ночь.

Вдруг снаружи послышались шаги.

Слышно было, кто-то идёт со стороны долины, тогда как шатры с больными находились с другой стороны, в небольшой пещере. Лекари насторожились.

У входа нерешительно топтались ноги странника, шелестя листьями.

Если бы это была тварь, то надо подождать, и она уйдёт, услышав аромат лаванды, увешанной вокруг шатра Лазарета. Твари не любят эфир душистых трав. Но шаги не были похожи на звук от их лап. Это был человек.

Никодим подошёл ко входу и приставил палец к губам, показывая знак — молчать.

Он тихо отвернул ковёр входа и обнаружил смотрящие на него глаза женщины.

Никодим впустил её внутрь.

На это жалкое зрелище без слёз смотреть было невозможно.

Женщина совсем выбилась из сил от пути к стану знахарей. Её уложили на тёплые шкуры и дали попить воды. Она жадно выпила чашу и уснула, укрывшись с головой.

Такие посещения бывают часто. Никодим и Дэна переглянулись.

— Иди спать, Ваше Высочество, — обратился к принцессе Никодим. — Я буду наблюдать за ними.

«А если эта беглянка — колдунья? — подумала Дэна. — Может, она подскажет мне мою судьбу?»

Женщина крепко спала целый день и ещё ночь. И только на следующее утро она встала.

Это была измученная дорогами странница. Она говорила несвязно, и только речь её становилась ясной и осознанной в том месте, когда она рассказывала о своей далёкой прошлой жизни.

Так выяснилось, что её миссия на этой земле одна-единственная — найти пропавшего царя.

Какая жуткая история.

Лекари предположили, что женщина стала слаба умом, и решили приготовить ей лекарства. Дэна уговорила её остаться для восполнения сил, чтобы идти дальше в поисках своего царя. Но она рвалась из всех сил в путь, хотя видно было, что по состоянию души и тела она не переживёт наступающих холодов.

— Расскажите всё о Вашем царе, — просил её Никодим, когда Дэна разносила лекарства больным в пещере.

— Мой царь... он ещё не царь, но должен был быть помазан на трон после своего отца. И отец ещё не царь, потому что у него мало людей. А если бы у него было много людей, то он стал бы царём. Мне приказал мой господин смотреть за его женой, а я не усмотрела, и меня боги наказали, но я от

них убежала, хотя нож стоял у моего сердца. Я плюнула ему в лицо и убежала. В руках моих осталось только вот это.

Она шептала слова и раскаивалась в своём поступке, но отчаянно просила всех божеств не винить её, потому что это не её вина. И её мольбы — помочь загладить вину и открыть путь, чтобы найти своего царя. И тогда она спокойно сможет уйти по Течению Судеб к своим предкам.

Ну, точно безумие.

Путница достала из своих ключев одежды свёрнутый и повязанный травинками кусок шёлковой ткани.

Она развернула этот грязный от времени, но дорогой ей кусок, и лекари увидели ленту. Цвет давно полинял, но вроде кусок ткани был голубой.

Это была нагрудная лента с гербом какой-то общины или государства. Разглядеть было трудно, что вышито на ленте. Показалось, что какая-то птица.

Свернув ленту, женщина спрятала её снова в тайниках своего оборванного платья.

Лекари умоляли её остаться, но она рвалась в путь и твердила, что если дойдёт до пещер, где скрываются другие боги, всё же вымолит их милости и прощения и найдёт своего господина.

Несчастная ушла. Взяла от лекарей только хлеба и лапти.

— Кого только не приносит сюда беда, — тихо сказала Дэна. — Несчастная женщина, она так отчаянно молится и бежит по свету в поисках своего дорогого царя. Какая смелая

блаженная. Будто других у неё нет забот. Одна единственная мечта, ради которой готова терпеть любые лишения. Принесла в жертву своё спокойствие, семью, материнство, в конце концов. Пусть уж божества помогут ей, и она дойдёт до тех пещер.

— Дух Леса, помоги ей! Молю тебя!

Сердце Дэны сжалось в печали. Она вышла из жилища и направилась к месту её силы.

— Ты далеко? — спросил Никодим, обращаясь к уходящей Дэне.

— Воды наберу, — ответила она, взяв кувшин, стоявший у выхода из юрты.

— Я с тобой.

Здесь, у водопада Серебряных струй, девушка часто проводила время, когда её сердце наполнялось смятением чувств. Все печали смывали эти серебряные потоки.

Начинался водопад с небольших безобидных струй. Оканчивались эти потоки грохотом падающих и разбивающихся о скалы тысяч ревущих, будто тельцов, волн.

Лекари разместились на гладких нагретых солнцем валунах, и каждый погрузился в свои думы.

— Как бы я желал, чтобы меня так искали, — прервал молчание Никодим.

И тут он глубоко набрал воздуха в груди и крикнул вдаль:
— Э-ге-ге-эй!

Эхо его сильного чистого голоса зазвучало по округе, за-

полняя ущелья, скалы возвышенности, отбиваясь от вершин гор, перекликаясь между собой, повторяясь и повторяясь, пока не сникло совсем.

— Надеюсь, тебя услышат, — дружески похлопала его по плечу Дэна.

Глава 10 Трудные времена

Настала зима.

В степях Тиды ветер выл так, что нельзя было высунуть носа из жилищ. Люди кутались в одежды, а снег, словно острыми лезвиями вонзался в лицо, проникал в рукава, за ворот, обжигал холодом.

Тахир обходил пострадавшее хозяйство. Он звал людей из потрёпанных выюгой палаток — узнать, живы ли они. Стражи обошли весь стан, сообщили о больных и погибших.

Топлива едва хватало.

В больших юртах на котлах грели снег для питья и еды, а вокруг очага играли малые дети. Старики понемногу добавляли в очаг топливо — высушенные остатки жизнедеятельности животных.

Собираясь после обхода в юрте на Совет, управляющие докладывали, как обстоят дела в их округе.

Вожак был невозмутим, когда приходили недобрые вести.
— Умершими займёмся, как только стихнет выюга. А пока в дальнюю палатку пусть снесут, — распорядился князь. — Пусть жрецы отпевают погибших.

Советники старались изо всех сил, чтобы спасти то, что осталось от Отора.

— Пока снег лежит, ещё держимся. Воды понемногу всем раздаём. А вот скотине уже не хватает, — сказал Ярсу Тахир.

— Ничего, пусть снег жуют.

— Дохнет скот. Корма нет, едва находит что под снегом. Молодняк не выдержит, если будет дуть ещё одну луну, — посетовал управляющий пастбищем.

— Скоро стихнет. Должно стихнуть. Дует уже неделю, — с робкой надеждой сказал другой.

— Если три дня дует, а на четвёртый стихло - будет ведро. А если ещё дует - то будет семь, если и после не стихнет, то жди девять дней. После девятого точно стихнет, — спокойно сказал вожак.

— Твои слова да в уши богам, — вздохнул один из советников.

— А что толкует Аттюк? — спросил Ярс.

— Его бы вообще стоило выгнать со стана. Только хлеб даром ест, да жар топит. Люди жалуются — плохо лечит, и всем говорит только гнилое. Пугает, что народ уйдёт со стана, как весна тронется. Уже и так осталось всего тысяча душ.

Так члены Совета подводили итоги прошедшей луны.

Вожак внимательно слушал и думал:

«Сбежало ещё полторы тысячи душ. Сначала перехода ушло около двухсот, а в течение зимы две тысячи разбежалось по другим общинам. Остались самые верные, и те страдают. Падеж скота от потери кормов составил половину от всего стада. Остались лошади, которые ещё как-то могут найти корм, и немного буйволов. А козы вымерзли почти все. У овец ягнята гибнут. Если бы мы то сено смогли

забрать, спасли бы скот.

Из-за одного вора этот высокомерный Вседержитель расправился с ремесленниками, словно с войском нападающих тварей. Чем навлёк на себя беспредельную злость свободно-го кочевого народа?»

Голова вожака день и ночь не переставала болеть, мысли кружили, словно та выюга. Душа горела жаром от ненависти, и не было ей покоя.

Тахир готовился к реваншу.

Он не мог простить такой жестокой расправы. Советники отговаривали его всеми силами — не стоит идти на этот шаг. Но князь уже задумал войну.

А колдун только и подливал масла в огонь, снова давал «дельные» советы вожаку Отора:

— Когда придёт весна, — шептал он на ухо своему господину, — собери, князь, отовсюду народ. Пошли гонцов по селениям, найми убийц, обучи их и будь готов терроризировать Ситту вылазками и грабежами торговых обозов. Митр тебя обманул, а ты его обхитри. У него армия, а у тебя разбойники. Пример возьми со степных тварей. И ты победишь его! Я видел это в Чаше Времён. Время пришло!

Тахир не доверял своему колдуну. Но этот совет он посчитал хорошим планом. Как бы ни старались его переубедить друзья, всякий раз суровый вожак приказывал советникам прекратить перечить.

Он глава, и ему решать, как отвечать на такие вызовы. Раз-

ве он не был хорошим правителем? При толковом хозяйствовании его община окрепла и расширилась и вот-вот готовилась стать городом, а там и царством. Отец гордился бы его успехами.

Но если надо наказать обидчика за столь наглый выпад, то князь решил так и поступить, следуя советам колдуна.

«А те, кто не согласен, пусть отправляются на все четыре стороны! — думал князь, натирая боевой клинок. — Мы будем таиться, незаметно подбираться к жертве, как сыч, и нападать внезапно, как хищник!»

Друзья решили: если нет других путей, разрешить ситуацию по-доброму, то так тому и быть. Терять было почти нечего.

Аттюк потирал руки и ждал возмездия царю Митру.

Он был так захвачен этой идеей, что бросился помогать господину во всех делах. Если нужно было отправиться в какое селение для вербовки будущих разбойников — он делал это с особым рвением. Если необходимо было укреплять скрытые позиции, наполнять припасами — он таскал тюки вместе с другими.

— Посмотри на нашего колдуна, — удивлялся Ярс. — Сменил мантию на тунику и таскает с простым народом тюки под землю. А кто тогда молится богам? Отпустите меня вместо него-о-о, ну, пожалуйста! — сложив руки и падая на колени перед друзьями, причитал Ярс, чем потешал товарищей.

— Ты давно метишь на его место, Ярс. На мягкие шкуры и тёплые камни желаешь? Иди, работай и не болтай лишнего. Тебя боги не услышат, слишком грешен в своих помыслах, ха-ха-ха.

Откуда у Тахира взялись такие силы? Вожак выстроил целую военную систему, а не просто организовал кучку разбойников.

Для того чтобы нападать на обозы, грабить живущих возле стен города торговцев, нужны ярость и скорость, скрытность и выносливость. А этого у блуждающих голодными степями охотников накопилось достаточно.

Аттюк отличился особенно. Он набрал полсотни отчаянных преступников, согласных за еду рубить всех, на кого покажет пальцем князь разбойников.

Чтобы подозрение не пало на остатки Отора, в общине оставили хозяйство и Совет. Группировка обозлённых степных пиратов почти отказалась от связи с общиной.

Главарь этой банды запретил использовать мечи по прямому назначению. Оружие можно было применять только для запугивания.

Рано утром, на заре, вожак собрал своих людей и произнёс речь:

— Друзья мои! Славное древнее племя мужественных кочевников! Мы с вами жили в Сизых Степях Большой земли, топтали каменные просторы своими крепкими ногами,

жили на берегах тихой воды, где земля была словно дикая ягода — сладкой и щедрой. Мы растили скот, выводили лошадей, шили одежду, строили добрые жилища, поднимали свои семьи. Мы хранили Закон Сизой Степи. Нам не приходилось воевать настолько, чтобы быть разгромленными. Мы умели договариваться даже с противниками. Мы мирные ремесленники, только и того, что мы подвижная община. В нашей крови — сила, в нашей душе — вольный ветер, в нашем сердце — степь. Кто-то бежит отсюда, потому что не находит жизни среди камней и колючек; сторонятся пустыни, кишачей всякими тварями. Суховеи пугают людей. Опасаются безводья. А мы с вами испокон века бродим по этим безжизненным местам, и нет для нас лучшего места!

Предки завещали нам правила, учили, как жить в мире с народами земли. Отцы свято хранили заповеди Мудрых Старейшин, сшедших с Небес однажды. Говорили нам о чести кочевников. Закон Южных Земель висел перед нашими очами, вышитый золотом на торжественных стягах. Мы свято чтим курганы наших предков и помним, что нам они заповедовали: «Помни род свой, кочевник! Храни его, защищай всеми силами. Гони врага, позарившегося на твоё добро. Но не преступай ногою своею межи земли другого кочевника, уважай его и место его под солнцем. Не позорь предков добычей неправедной, сам трудись и преумножай Сокровищницу общины, дабы мир твой не иссох и не был бы ты как выброшенная шкура».

Отор! Город славного вожака Самрата! Разве мы делали зло, проходя степями Южных земель? Когда мы с вами нарушили Священный закон кочевых народов и правила жизни в пустыне? Разве нападали мы с вами на другие племена, чтобы разжиться чужим добром?

— Нет, вождь! — крикнул народ Отора в ответ.

Тахир продолжил:

— Мы с вами свято хранили все заповеди. Мы исполнили волю нашего мудрого отца Самрата и пришли сюда, чтобы жить здесь, чтобы осесть здесь навсегда. Основать крепость с высокими стенами и сторожевыми башнями, чтобы защищаться от вторжения, но при этом сохранять мирные отношения с соседними племенами и далёкими царствами. Наш город станет центром обмена: торговые караваны будут переполняться товарами, а ремесленники со всех сторон будут стремиться обменять свои изделия на наши уникальные природные богатства.

Наши лошади — это гордость степей, чьи силы не знают границ. Их копыта не знают усталости, а выносливость позволяет преодолевать любые расстояния. Буйволицы нашего стада дарят обильное молоко, богатое белком, которое питает не только нас, но и горожан. А шерсть наших овец, словно тончайший шёлк, становится заветным трофеем среди кочевников.

Мы открыты для взаимовыгодных сделок. Даже враждующие племена приходят сюда, чтобы обменяться, ибо здесь,

за стенами нашей крепости, законы гостеприимства сильнее. Даже враги становятся в очередь за товарами.

И пусть стены защищают нас от бед, а башни следят за горизонтом, мы знаем: истинная сила кроется не в камне, а в умении соседствовать, обмениваться и видеть в чужом мире что-то своё.

Так почему мы разбиты сейчас? Почему мы стоим с вами, обнажив мечи? Не от того ли, что у нас бочки с жиром пусты и нашим детям есть нечего?

— Да! Именно из-за этого мы здесь! — ответил народ.

— От того ли, что мы воры от роду?

— Нет, мы честный народ! — кричали мужчины, поднимая вверх свои мечи.

— Правильно ли вы поняли, что мы не воры?

— Правильно!

— Тогда зачем мы обнажили свои мечи?

Народ замолчал.

— Слушай, народ Отора! Мы не воры! Но несправедливость царствует за теми стенами.

Тахир кинул взгляд в сторону крепостных стен города Ситты.

— Нас обвинили в том, в чём мы не виноваты. Они наказали нашего человека, не разобравшись в деле. Так не делается! Это вне людских правил. Мало того, они нас практически унизили. А потом уничтожили, отправив обратно в пустыню, без возможности забрать свои товары и корма для

скота.

Разве это не предательство? Разве это не уничтожение нашего добра и доведение нас до крайности? Нас выгнали. Честных торговцев. Просто выгнали. Обвинили и оставили себе наши вещи, заготовленные продукты и корма.

Народ разгорячённо гудел. И злобный звук усиливался.

Вождь сказал:

— Так заберём же своё!

Он вскинул руку, сжав кулак, в сторону городской стены, крикнул со злостью:

— Да простят нас наши предки! Мы этого не желали!

Мужчины вскипели. Воодушевлённые речью своего вожака, они яростно голосили, словно голодные волки. Задражали в руках мечи и луки.

Дело решённое.

Тахир задумал: следовавшие на рынки обозы он пропустит в город, а когда они будут возвращаться с дорогим товаром и серебром, разбойники начнут своё тёмное дело.

Под покровом ночи шли навьюченные провизией лошади грабителей к оврагам, где в каменных нишах окопались бывшие ремесленники — пастухи, кузнецы, сапожники...

До жёлтых листьев князь степных пиратов издевался над Ситтой. После чудовищных грабежей общины торговцев, спасаясь от опасности, начинали покидать насиженные места и уходить в другие города. Там чужакам, конечно же, были не рады, и тогда приходилось биться за своё место под

солнцем.

Начались повсеместные набеги и бессмысленные войны. Никто уже не мог разобраться, что было причиной этого конфликта.

Жрецы неустанно молились своим Духам, но их чары едва ли помогали сдерживать людской гнев. Всё, чего они могли добиться, — вызвать ураганные ветры, засуху или пожары. На некоторое время наступала передышка между соперниками. Воины залечивали раны и опять шли на битву.

В стане обозлённых кочевников в этой суматохе куда-то пропал колдун Отора Аттюк.

Зимой соседние с Ситтой города начали успокаиваться от столкновений. Практически разрушились кормовые потоки, которые срочно надо было восстанавливать. Разумения некоторым царям хватило, чтобы воссоздать заново общины, готовые весной заниматься земледелием, выращивать урожай и скот.

Уничтоженные стоянки понемногу заполнялись народом и начинали хозяйствовать заново.

И только Царству Предгорья это никак не удавалось.

Разбойники прятались так, что их не могли найти. Поддерживающие их селяне старались не болтать, потому что были «прикормлены разбойничьим серебром».

Бандиты продолжали свои вылазки.

Мудрецы говорят: бойся своих мыслей, если не ведаешь, откуда они приходят — от Нижних богов, от Верхних небо-

жителей или от людей. Проверить, от кого они исходят, может только твоё сердце, если оно у тебя ещё есть.

Должно быть, князь Отора в этой схватке его потерял.

Но вот однажды с дозора вожак мародёров к стоянке не вернулся.

Никто не мог понять, где Тахир. Люди обыскали всё в округе, но следов не оказалось. В стане шептались: якобы князя утащили твари, они точно не оставляют следов.

Главарь шайки просто вышел ночью проверить, по обычаю, своё разбойничье хозяйство — и не вернулся.

Что было делать в этом случае, никто не знал. Но на время выяснения обстоятельств вору приостановили свои набеги.

Как раз выпал снег, и следы князя окончательно потерялись. Группа решила, что при возможности, когда растает этот первый снег, они все двинутся назад домой, в Отор.

Глава 11 Юрта Лекарей

Сквозь завесу тяжёлого бреда сквозняком проносились обрывки мыслей в голове пленника.

Иногда что-то ледяное лилось на спину, было холодно и хорошо. От этого ещё больше хотелось спать.

Иногда кого-то пинали ногами, а он думал, что это его, потому что со стороны видел, как с пристрастием бьют тюремщики уже почти окоченевшее тело пленника. Его уже и не привязывали к железному кольцу — просто били. Бросали и уходили.

...Князь славного города ремесленников и торговцев, наследник свободной общины кочевников — добрый хозяин, справедливый господин... и главарь разбойников — лежал в холодной, сырой темноте подземелья.

Его тело, когда-то гордое и сильное, теперь было всего лишь кляксой крови на камнях. Голова гудела, будто наполненная ватой, смешанной с комками земли и соломы, а сознание, словно ускользающий от руки песок, не возвращалось, как бы ни били его тюремщики.

Их удары уже не оставляли следов — кожа, израненная до мяса, просто кричала в молчании.

Когда Тахир пришёл в себя, он пожалел о пробуждении.

Тело лежало ниц в луже собственной крови, словно разбитый кувшин, из которого вытекает жизнь. Каждый вдох отзывался болью в рёбрах. Его руки, некогда управлявшие караванами и людьми, были теперь словно сломанные ветки. Даже если бы он захотел встать, мышцы не слушались.

В какой-то момент, когда сапог тюремщика вдавил пленника в каменный пол, Тахир почувствовал, как что-то щёлкнуло у него на груди. Шнурок, державший амулет, порвался. Он хотел ухватить его, но нога стража дожала его. Потом пришла темнота.

А когда тело перевернули на спину, чтобы удостовериться — жив ли он, то маленький алый камень, выпал из оправы амулета и остался лежать в луже крови и грязи — незаметный, забытый, потерянный.

Но сквозь времена его подберёт девушка, которая не знает, чьё сердце она держит в ладони.

Единственное, что могло шевелиться на его теле — это веки. Даже глазные яблоки не вращались, чтобы оглядеться.

Что это? Тени от огня? Он сгорел? Он горит?

Тела не чувствует, значит — к бесам его...

Потом слышал — ходит кто-то. И говорит. Но голоса, как черви в котле, путаются, не разобрать. Он устал и закрыл глаза. А когда набрался сил, то снова открыл.

Почему демон имеет такое милое личико? И глаза не налиты кровью. На голове вместо рогов — белый чепчик. Станный. Ну ладно.

Он понял, что кто-то просунул под шею руку и поднял его череп.

«Да, боги, заройте уже меня! Надоели!»

Но голову подняли, что-то в неё влили. Пришлось глотнуть. Какой-то тёплый яд... Странно, что сладкий.

Голову положили обратно. Хорошо.

Он устал и опять закрыл глаза...

Через секунду опять рука под шею, и снова влили. Положили. Устал. Опять повторилось...

Это такие пытки? Странно всё. Устал. Снова льют. Какое-то бесконечное издевательство. То сладкое льют, то горькое.

Заметил, что тело стал чувствовать. Почувствовал тепло. Сначала было жарко, потом холодно — так повторялось, не помнится сколько.

Он, наверное, лежал так целый день, и экзекуции не прекращались. Ужасные пытки...

Устал и опять провалился. Они не давали ему уснуть. Снова и снова поднимали, поили и отпускали. А в углу кто-то страшно кашлял.

Сам Чёрный Демон, наверное, сидел и наблюдал, когда он уже...

И вот он увидел сон.

Я обратил внимание, что сны стали необычайно насыщенными: в них переплетаются цветовые пятна и оттенки — от ослепительно ярких до тревожно-тёмных.

Словно ад и рай кружат, закипая в котле. Кто-то желает поговорить с ним. Может быть, пытается предупредить? Не знает.

Заметил девушку. Она сидела у очага и что-то сыпала в воду. Что-то бурлило в центре события, источая аромат. Подошёл человек во всём светлом, посмотрел на него, присел возле девушки, заговорил.

— Дождь льёт как сумасшедший, юрта промокла до нитки. Хорошо, что здесь есть сухое место. Ты бы отдохнула. Ночью не спала.

Девушка не повернулась. Она сидела спиной к нему, и те ни на её плечах скрывали дьявольские крылья.

— Сейчас приготовлю и пойду.

— Как он? — спросил белый ангел.

— Сегодня уже жар спал.

— Ну, вот и хорошо, значит, больной скоро поправится.

— Да уж, скорее бы, уже как вторую луну не могу привести в чувство.

— Поправится. Хотя не уверен, что ходить сможет.

Девушка вздохнула, встала. Повернулась.

Вдруг стала наклоняться к нему. Её рука потянулась к его шее. Сейчас всё закончится? Снова нальют? Когда же это закончится?!

Но она поправила овчину, положила руку на лоб — и он опять всё потерял.

Потом снова сон. Снова та же пещера. Снова эта пара. Разговаривают:

— Боюсь, что Отец не поправится. Я уже вернула из Отуза чародеев, может быть, справятся с его демонами? Он уже и меня не признаёт.

— Может, и справятся. А ты пробовала вон те коренья?

— Пробовала. На время только, а потом опять болезнь возвращается.

— А как тот маг?

— Он готовит снадобья против демонов и молится своим богам.

— А ты? — спросил парень.

— Я не вмешиваюсь, там есть Совет Царства, разберутся.

— Главное, чтобы никто не узнал, что он тут, — кивнул в сторону больного.

— Как сегодня больной? — девушка повернулась и при-
смотрелась в глубину жилища.

— Вроде спит, — шёпотом сказал белый ангел.

— Хорошо.

— Да. Сон — лучшее лекарство, — подтвердил он.

Только потом он понял, что это не бред был и не сон, что приходил в себя и слышал разговоры людей.

И кашель. Кто-то всё время в углу кашлял.

Глава 12 Болезнь Царя

Дворец Митра наполнился злыми духами.

День и ночь никому из обитателей не было покоя. Царь время от времени терял рассудок. То он был разумен и давал распоряжения по управлению своим огромным царством, то впадал в дикую ярость.

Пугало то, как он подозревал всех дворцовых в кознях, обмане и заговорах. Разъярённый государь не хотел никого слушать и бросал в подданных всё, что попадалось под руку. Он не делал различий между генералами и придворными слугами.

Совет Царства собирался втайне от царя, а если требовалось его присутствие, министры и чиновники обсуждали только хорошие новости. Они говорили о том, что государство процветает и благоденствует под мудрым руководством Его Величества. Такие слова успокаивали Митра, и он возвращался в покои довольный отчётами.

Но даже звук упавшего огарка свечи на пол в коридорах дворца в один миг выводил Вседержителя из себя. Тогда всем обитателям замка было не до шуток. Мигом созывалась вся прислуга внизу в холл — неженки-фрейлины, тихие служанки, ленивые лакеи, неповоротливые кухарки... Первые кавалеры, Вторые, Третьи...

И все обитатели замка выслушивали гневные претензии

государя в течение двух или трёх часов кряду. Бедные стояли в склонённых позах, с опущенными головами, с которыми так никто не хотел расставаться.

Дочь пыталась уговорить отца принимать отвары, но тот кричал и обвинял её в попытке отравления. Принцессе было невыносимо терпеть такие подозрения.

По царству расползались слухи, якобы царь тронулся головой. Сплетни старались пресекать, но уже все догадывались, что с ним что-то не так. Обычные приёмы в резиденции уже не проводились, гостей не звали на балы. А если царь вспоминал о том, что надо созывать гостей на бал, то ему старались напомнить, что бал состоялся уже. Гуляние прошло восторженно, а государь на нём выглядел отдохнувшим. Лгали. Митр верил.

Такие ответы, не страшась наказания, могли давать ему только смелые специальные люди — чародейки.

Их-то и вернула принцесса из каньона Колдунов — Отуза. Она отдала распоряжение: в случае если чародейки будут внимать её приказам, то всех вернёт во дворец. Но одежды они сменяют на светские, будут вести соответствующие беседы, жить будут, как подобает двору, а также принимать фиктивное участие в управлении хозяйством.

А сама часто отправлялась по своим делам в лесной лазарет, к лекарям и своим больным.

Так во дворе появились четверо новых людей. Трое из них являлись публично, а один старался никому не попадаться

на глаза.

Всё во дворе перекрутилось, и уже никто никому не доверял.

В Ситте ситуация тоже была непростой. Уровень преступности вырос, хозяйство приходило в упадок. Члены Совета опасались, что город и всё Предгорье не смогут выстоять, если кто-то нападёт. Необходимо было эффективное управление, но где его было взять?

Принцесса очень волновалась.

Убегая в лес, в Лагерь Лекарей, из уютного добротного дворца, она чувствовала себя предательницей, не способной помочь родному человеку. Она не могла справиться с чувствами, которые терзали её.

«Меня вся эта ситуация скоро сведёт с ума, — думала девушка. — На троне больной отец. Ворота Ситты раскрыты, беженцы с других земель бегут в надежде укрыться, но здесь стало не менее опасно, чем на Гнилых озёрах. Что я могу? Как его лечить, если он не принимает мои отвары? Чародеи едва сдерживают его пыл. Они сами еле удерживаются — такой сильный демон поселился в душе царя. Хуже некуда иметь государя, душа которого им не управляется».

Принцесса Дэна обратилась к знахарке:

— Ты вот, Салга, хорошо, что ничего не слышишь. А ещё лучше то, что этого всего не видишь.

Знахарка не слышала слов Дэны, обращённых к ней, и молча продолжала растирать в каменной ступке свои травы.

— Какой есть способ, чтобы вылечить отца, скажи?

Но женщина не ответила.

Дэна посмотрела на неё, вздохнула и тихо сказала:

— Сколько я тебя знаю, ты всегда была тихой, малословной, но ты мне заменила мать.

И продолжила про себя:

«На твоём лице глубокие морщины уже потянули кожу вниз, и твоё печальное лицо не может улыбаться. Но с какой теплотой ты смотришь на всех больных. Сколько заботы им отдаёшь... Я даже не знаю, смеялась ли ты когда-нибудь. Была ли ты счастлива? Был ли кто в твоей жизни, кто говорил тебе такие чудные слова: «Я увидел самый красивый цветок в этом саду?»»

А мой цветок лежит тут, у твоих ног. Встанет ли когда-нибудь, скажет ли мне про цветок? Ни рук, ни ног он поднять не может. По всему видно, что спина разбита. Как и моё сердце. Но пусть ещё полежит. Я смогу его поднять!»

В руках принцессы покоился амулет — миниатюрная сова, словно выточенная из тьмы и света. Когда принцесса поворачивала амулет, на его поверхности проступали едва заметные символы: узоры, похожие на следы ветра в песке или шёпот древних магов. Они пульсировали слабым сизым светом серебряной филиграни, как будто сова хранила в себе не просто орнамент, а кусочек другой реальности. Это было не просто украшение — это был ключ, оберег и, возможно, сила владельца, сплетённая в форме свободной птицы — хра-

нительницы гор, лесов и степей Тиды.

А царь Великого и прекрасного Предгорья бросил его в яму, в которой оставил умирать Степного Сыча — главу разбойников, вора и негодяя — князя. самого красивого мужчину в мире...

Принцесса всегда обходила больных и покалеченных в тюремных казематах города. И то, что она обнаружила в яме с водой, потрясло её издававшее виды сердце.

Отец, ну как так?

Теперь девушка пролиwała слёзы днями и ночами напролёт, после того как поила выброшенного пленника самыми лучшими своими отварами. И лекари делали всё, чтобы тот выжил.

В тот вечер, когда страдальца на ношах внесли в юрту, Ник ужаснулся. А знахарка Салга заплакала.

Тело преступника еле отмыли. Огромные кровоподтёки не оставили на его коже живого места. Он до сих пор не чувствует прикосновений рук. Это не человек, а хитон, истоптанный и брошенный под ноги скоту. «Будешь словно выброшенная шкура...»

Салга не отходила от больного.

Девушка сунула медальон в свою сумку и вышла на свежий воздух, не в силах смотреть на неподвижное тело.

Она отправилась к потоку водопада Серебряных струй. Снова к чистым водам за очищением от смятения и боли. Смыть печаль и помолиться:

— Вода-водица, чистая девица, сними с меня печать, смой горячие слёзы, остуди голову, дай напиться, чтобы оживиться, богу помолиться и воротиться от горя и печали, от врагов-воронов увернуться. Дай под камнями укрыться от недоброго, завидного, непутевого, обманного. Унеси далеко за горы болезни и тела и души моей, раствори в своих чистых водах горяшко горячее, чтобы оно никогда не воротилось ко мне. Напой меня словно птицу с юга, чтобы ожила я и тот, кто на моих руках. Вороти душеньку его в его несчастное тело, исцели раны и дай новое сердце, чтобы мог он верить в тебя и Духа Светлого Живительного, что витает по земле, проникая сквозь мёртвое и живое. Любовью вечной окутай и даруй надежду. Молю тебя, пожалуйста, услышь меня...

— Где я видела такую же «птицу»? — вдруг вспомнилось девушке.

Глава 13 Отор без вожака. Друзья

В княжестве Отор Ярс с друзьями и советниками сидели на развалинах города.

Восточная часть стены лишь напоминала, что здесь ещё недавно жили мирные ремесленники. Поселение было разграблено. Скот увели. Кто остался и не сбежал от трудностей — женщины с детьми, старики и больные, те ютились в оставшихся юртах. Летом жители спали во дворах, рядом с собой держали редких домашних животных — буйволиц и овец. Коз даже не стали заводить. Скоро зима, не выдержать им.

— Год был невероятно везучим, судя по звёздам, — горько пошутил Ярс.

— Следующий круг обещали ещё легче, — ответил друг и советник общины, вглядываясь вдаль, где виднелись холмы Предгорья.

— Этот ещё надо пережить. До нового Колеса ползти и ползти.

— Зиму переживём и на молодой траве отметим Новое Колесо.

— Хорошо бы. Праздника хочется, — поглаживая живот, сказал Ярс.

— Тебе бы только пузо набить.

— Угу. И побольше! — согласился с замечанием Ярс.

Советники, по старой традиции, провели отчёт между собой о состоянии дел в общине. На время отсутствия вождя управление взял на себя Совет, состоящий из восьми верных товарищей Степного Сыча.

Вернётся на свою землю хозяин! Верили друзья и старались сохранить то, что осталось от города.

Тахир был непревзойдённым вожаком и талантливым хозяйственником, таких вожаков по всей Тиде поискать, да днём с огнём не найдёшь.

Друзья искали хоть какую-то возможность узнать, где находится хозяин. Каждый раз задавались одним вопросом:

— Знать бы, где он. Жив ли?

— Надо бы сходить к Провидцам!

Друзья предлагали свои идеи.

— Надо бы, да у нас не с чем идти к ним. Я буйволиц не отдам. Баранов тоже. Им бы сейчас молодняк поднять. Телята и ягнята ещё молочные. Хорошо то, что на пастбище травы хватает. Пусть поднимется скотинка к зиме, может, тогда и сходим. Но не думаю, что стоит кормить тех дармоедов-провидцев, чтобы узнать, жив или нет хозяин. Я вот чувствую, что он живой, — озабоченный делами в хозяйстве, размышлял один из друзей.

— Хорош из тебя Провидец! Может, докажешь, отчего ты такой уверенный? Может, по тарелке яблоком погонял тихонько? Мы знать не знаем, а он чувствует! — ухмыльнулся Ярс.

— Ночами сова ухает, не к добру, — обратил внимание на звуки один из советников.

— Да брось! Всё недоброе, какое могло быть, уже случилось. Что сгорело — дважды не сгорит. Это знак. Степной Сыч живой! Ну, ведь живой же? Поселение сохранилось, значит — живой! Скоро придёт, я знаю его! — уверенно сказал Ярс.

Посреди шатра в очаге затухал огонь. Друзья не спешили расходиться по своим жилищам. Размышляли:

— Слышал, что Дух безумия вселился в царя Ситты. Происходит в городе непонятно что. Может, рискнуть, сходить туда разузнать, что там да как. Может, торговать дадут.

— А как обнаружат, что ты из кочевников Отора, то голову снесут? Хороша идея! Нет, я не пойду. Хватит, находились.

— Но можно пойти, прикинувшись странником или блаженным.

Друзья подкидывали свои предложения.

— Ты на себя посмотри, какой из тебя блаженный. Ростом с гору, да в плечах как степь. Ага, прям дурак-дураком. Хотя идея неплохая!

На лицах товарищей появились улыбки.

Послать в город гонца, приняв облик блаженного, было некому, потому что никто не подходил под этот образ. Все были высокими, крепкими и стройными ребятами. Но узнать про князя хоть что-то надо было. Одного чувствава-

ния было недостаточно. Но для того, чтобы войти в город, надо было предъявлять знак — медальон общины. А вот это задачка по-сложнее.

И советники снова задумались.

— Зря затеяли мы всю ту игру. Позволили Тахиру идти на поводу жрецов.

Глава 14 Дворец. Явление

Тем временем царь Ситты был уже совсем плох.

Он не вставал с постели. Придворные лекари не знали, как его лечить. Чародейки не могли справиться: как ни старались выгнать из него Духа немощи, ничего не получалось. С каждым днём здоровое тело государя съедал этот бес. Временами ему становилось лучше, и он мог встать. Но так случалось всё реже и реже.

Принцесса измучилась догадками и страдала от беспомощности — хоть как-то помочь бедному единственному родному человеку. Она не понимала, почему бездействуют чародейки.

Однажды принцесса гуляла по саду. Осенние листья уже совсем опали, и садовники сметали их в огромные кучи. Аромат опавшей листвы и свежей зелёной травы перемешивался с дымом горящих печей, и эта атмосфера успокоения природы придавала некое подобие облегчения уставшей девушке.

Казалось, она тоже скоро умрёт вместе с этими листьями. Она — как хрупкий истлевший лист, что вот-вот сорвётся с ветки, которая его, мёртвого, почти отторгла от себя, и упадёт в холодные травы. А как же хочется ещё раз увидеть тёплое лето! Заигрывать с потоком залетевшего в сад ветерка, насладиться переливом голосов утренних птиц и никуда не

падать. Лишь только покрывать чью-то голову, защищая от жарких солнечных лучей...

Где-то рядом ухнула сова.

А из-за деревьев в сад заскочила непрошенная гостья — крошечная лань.

Это грациозное животное казалось, словно попавшим в другой мир, непохожий на её привычный мир. Это было заметно по её испуганным хрустальным глазам. Лань повертела головой, осмотрелась.

Милое, доброе животное — символ прекрасного уголка Тиды, где обитают её стада, мирно пасущиеся на холмах чудесного Предгорья.

Лань осторожно пробралась по поляне, в поиске выхода. Она грациозно обошла ухоженные кустарники сада, пока не добралась до роз. Принцесса заволновалась. Что, если она запутается в колючих ветвях и поранится? Вот милое создание приблизилось к самой любимой розе. Дэна зажала ладонями губы, чтобы не вскрикнуть случайно и не спугнуть лань. А та подошла ближе к розе, протянула свою красивую голову к цветку, словно у неё появилось желание обнюхать куст. Потом резко встрепенулась, посмотрела по сторонам. Заметила стоящую неподалёку девушку, задержала на ней свой взгляд и в одно мгновение юркнула за деревья, высоко подскакивая над кустарниками. Скрылась в лесной чаще.

Принцесса проводила взглядом прекраснейшую из гостей и улыбнулась. Произошло что-то невероятно важное. Слов-

но сама Любовь подала свой знак — она здесь, рядом. Она прекрасна и чиста, нежна и легка, облачена в шлейф из аромата прекрасных жёлтых роз. Жрецы непременно придали бы этому пророческое предзнаменование.

Но Дэна грустно улыбнулась, глубоко вдохнула воздух, раскинула руки в стороны, будто птица, развернулась и побежала обратно ко дворцу. Она бежала, легко подпрыгивая, как та грациозная лань, нежно прижимая к разволновавшейся груди талисман её прекрасного князя.

Дочь торопилась подняться в покои отца, узнать о его самочувствии.

Глава 15 Тайна служанки

Она шла по длинным прохладным коридорам замка, как вдруг из-за тяжёлых портьер боковых дверей донёсся звук, похожий на шипение обозлившейся кошки:

— Ш-ш!

Принцесса остановилась и посмотрела в щель между гардинами.

Её привлекла рука. Она взмахнула и повлекла к себе. Осторожно принцесса двинулась в сторону того, кто её звал. Отодвинула портьеру и увидела... свечника. Это был зальный лакей, который следит за всеми свечами во дворце.

— Ваше Высочество, я Вам должен рассказать, — прошептал взволнованный мужчина. — Но не здесь. Идёмте туда!

И он показал на лестницу, ведущую в башенку — эркер.

— Следует осторожно идти, тут темно. Но это и хорошо, меня он не заметит... Он как будто сквозь стены видит, — лакей старался говорить как можно тише. — Только тихо...

И он осторожно открыл дверь.

Комнату эркера заполнял свет алой вечерней зари, длинные тени оконных перемычек струились по округлым каменным стенам. Здесь было пусто и прохладно, за стенами слышался гомон голубей.

— Я очень быстро, чтобы он не кинулся искать. Он при-

стально следит за каждым из слуг. С тех пор как этот маг тут появился, забот нам увеличилось во много раз, мы его боимся, Ваше Высочество!

— Постой, о ком ты? О чём речь, я не понимаю? — возмутилась принцесса. Но любопытство уже овладело её сознанием. И она продолжила: — Если вы имеете какие-то жалобы, то прямо мне сказали бы или написали в канцелярию просьбу об аудиенции членов Совета, как положено. К чему такие тайны? Ведь у нас во дворце порядок или...

— Вот именно, «или», — нагнулся к ней поближе свечник.

И он поведал принцессе то, что показалось сначала ей какой-то выдумкой старика или ночным наваждением.

Свечник обычно занимается сменой свечей во всех помещениях огромного дворца. Два этажа его классической архитектуры имели неимоверное количество залов, холлов, коридоров, кабинетов, спален, подсобных и служебных помещений.

Для службы свечников было четверо. Рассказчик служил в крыле дворца, где находились покои царствующего государя на втором этаже. На первом этаже в покоях, обустроенных под лекарскую комнату, поселился один из чародеев, вызванных из пещер Отуза.

Женщины-чародейки размещались в левом крыле дворца, а этот мужчина жил здесь и почти не выходил из своей кельи. Свечи в своей комнате он менял сам, выставляя кор-

зину с огарками за порог. Для постояльца свечи доставляли новые ежедневно. Что этот человек там делает у себя, никто не имел понятия, хотя узнать всем было очень любопытно.

— Простите, Ваше Высочество, мы слуги и не имеем права головы поднять, чтобы лицезреть сияние Вашей славы. Но Вы ничего не знаете, что происходит у Вас за спиной. Простите.

— Что это значит?

— Это значит, что во дворце возникло тайное управление.

— Что? Как докажешь и как смеешь ты так предполагать!

— Простите, Ваше Высочество. Я продолжу: этот жрец привлёк к службе в своих покоях служанку. И вот несчастная девица ежедневно возвращалась в свою комнату со слезами на глазах. Ничего не говорила. Только тихонько плакала. Мы бы ничего не узнали, если бы эта служанка не была дочерью моей двоюродной сестры. Мать вся в отчаянии, искала случая пожаловаться Вашему Высочеству, но жрец угрожал расправиться с ней и её матерью, если те посмеют обратиться за помощью.

Но однажды дочь явилась сама не своя. Белая как луна и словно её из могилы достали, немая и холодная. Мать в страхе обомлела, позвала меня. Мы с женой пришли под покровом ночи, чтобы шагов не было слышно, и прежде смазали маслом все дверные навесы, чтобы не скрипели открывающиеся двери.

Зрелище было страшным.

Племянница была словно покойница, и от неё сильно несло какими-то неизвестными запахами — то ли гарь, то ли... кузнечный запах калёного металла, опускаемого в воду, может так, — он задумался. — Привести её в чувства не удаётся. Она по сей день лежит синяя и только стонет: «Не надо, не надо...»

— Горе-то какое.

— Потом я вспомнил, что этот затворник время от времени принимал гостя. Тот посетитель приезжал регулярно раз в луну. Приносил что-то в ручном сундучке. Подолгу не засиживался.

И вот, я заметил: когда начал приходить этот господин, нашему государю становилось дурно со здоровьем. Он становился сначала вот таким, как моя племянница, а потом начал бесноваться. Потом, погодя, через несколько дней, ему становилось чуть легче. И как только гость снова появлялся, царю опять становилось дурно. Странно, не думаете, Ваше Высочество?

— Может, тот гость лекарь? Приносил лекарства. И когда царю становилось легче, то это были проявления действия снадобий. Ведь отвары и настойки не сразу проявляют своё исцеляющее дело, они накапливаются в теле страждущего, и только через время показывается результат.

— Вы знаете в этом толк, Ваше Высочество. Ваша душа очень сострадательна ко всем страждущим.

— Я посмотрю вашу племянницу, непременно! А вот на-

счёт гостя и совпадения с обострением злого духа у государя я подумаю.

— И ещё, простите меня великодушно. Я однажды заметил на огарке свечи странный отпечаток — по-видимому, это был измазанный в какой-то муке или веществе цвета размоленного камня бирюзы, такого очень красивого лазурного цвета.

«Надо же, какой наблюдательный слуга», — подумала Дэна.

— И запах от этого отпечатка такой же, как от платья моей несчастной племянницы. Просто жуткая вонь!

— А вот это уже интересно!

Тайная аудиенция завершилась, и переговорщики тихо разошлись.

Принцесса пообещала зайти к больной.

Сначала решила понаблюдать за тем, что и как подают государю в покои, чем лечат, и разузнать, как справляются маги. Она поняла, что доверила лечение отца совершенно неизвестным людям, и если кто из них решил отравить государя, то это — предательство, оно непростительно и стоит самого жёсткого наказания!

Глава 16 Возвращение к жизни

Дэна долго не появлялась в стане лекарей.

И вот она снова здесь.

— Как тут у вас дела? — поинтересовалась Дэна, помогая Нику снимать тюки с провизией с лошадей.

— В порядке. Эти уже помогают по хозяйству, — он кивнул на мужчин и женщин, которые копошились возле тюков.

— Хм, давно меня тут не было. Ты справился. Я верила, что будет всё хорошо. Что нового? Приходил кто новенький?

— Да, приходили две женщины с болящими детьми. Но уже ушли.

— Поправились?

— Да.

— Молодец!

— Это всё - Салга. Она с детьми как-то по-особенному общается. По-матерински лицо её сияет, она даже улыбается, говорит с ними, и дитятки её слушают.

— Хорошо.

— Ты не особо разговорчивая. Что-то случилось?

— Всё расскажу. Как он? — спросила Дэна и опустила голову, чтобы друг не заметил на её лице румянца смущения.

— Твои новые корни, что ты передала в прошлый раз, я приготовил, как ты написала. Но Салга посоветовала их разделить: одну часть сжечь в пепел, а другие так оставить, по-

том это смешать и добавить... Мы попробовали всё не кипятить, а залить дикой водой и растирать. Вроде стало лучше. Посмотришь. Ступай, я сам разгружу.

Ник занялся грузом, что привезла Дэна из города.

Подходя к юрте, где лежал человек с глазами цвета горных озёр Тиды, сердце девушки вдруг проснулось, ожило. Оно затрепетало, словно попало на чужую территорию, как та лань, что появилась в её саду. А надо было ещё войти в жилище. Душа неумолимо трепетала, и сердце бешено колотилось.

Она вошла.

Немного правее от входа под ткаными коврами сидела старая добрая Салга и очищала корешки от мусора. В её ногах, окутанный овечьими шкурами, лежал князь разбойников, разбитый параличом. Голова его покоилась на тюфяке, покрытом льняным покрывалом, беспомощные руки лежали поверх шкур. Глаза были закрыты. Исхудавшее лицо покрылось густой щетиной, и она уже проявила хорошую седину, придав человеку лет на тридцать больше, чем было на самом деле.

Девушку заметила Салга. Она от неожиданности вздрогнула, наклонилась вперёд и подала руку. Дэна нежно прикоснулась к жилистой руке старушки, и тепло пробежало от прикосновения, от ладони до пят. Старушка в ответ приветливо улыбнулась.

Они обе посмотрели на болящего.

— Как он? — спросила Дэна у знахарки, не ожидая в ответ ничего, понимая, что старушка плохо слышит.

— Уже лучше, — вдруг прошептала та, и глаза её засияли всей материнской нежностью. Слезинка вдруг образовалась, но тут же исчезла где-то в глубине сухих её век.

— Хорошо, — прошептала молодая лекарка.

Знахарка стала подниматься со своего места и медленно проследовала к выходу. Тихо покачиваясь, стараясь не задеть юбками больного, показала знак рукой, чтобы Дэна не беспокоилась. Вышла из юрты.

Тахир понемногу приходил в себя. Медленно проявлялось осознание окружающей обстановки. Он думал:

«Мне сегодня как-то дышать стало не так. Труднее. Будто в месте, где должно быть сердце, проявилось возбуждение. И оно росло. Я стал понимать, что лежу уже здесь очень долго. Ни день, ни два — очень долго. Понял, что это люди — лекари. А как сюда попал — не знаю, не помню.

Ноги и руки... Удивительно, но я их стал чувствовать. Лекарь-мужчина очень сильный. Он мне каждый второй день разминает тело, втирая свои настойки. Он говорит со мной много и очень благодушен. Терпению его надо воздвигнуть высокий тотемный столб и приносить жертвы Духам — Попечителям его души.

Со мной ещё всё время сидит эта женщина. Я стал чувствовать её руку на своей груди. Она каждое утро кладёт ла-

донь на рубашу на то место, где должно быть моё сердце. И как сосуд наполняется живительной влагой, так растекается неизвестная мне сила по моему ничемному телу.

Разве я заслуживаю этой благодати?

Не знаю, кто эти люди, но ощущаю, будто я дома и дом мой — эти люди. Но кого-то не хватает».

По левую сторону Тахиру показалось, что сел кто-то рядом. Он открыл глаза и повернул голову.

Человек сидел напротив очага, и тень закрывала лицо. Он напрягся, чтобы посмотреть.

Это женщина. Она пристально смотрела ему в глаза. Показалось?

Она сидела на полу. Руки, сложенные в замок, лежали на коленях, платок на плечах, волосы аккуратно связаны на затылке.словно королева, снизошедшая со своего трона. В мантию встроена прямая осанка спины и шеи. Эта поза придавала завершающий штрих образу госпожи.

А взгляд. Тени мешали рассмотреть черты её лица.

Надо что-то сказать, но в горле пересохло, и вырвался предательский кашель. Пришлось отвернуться к стене, и зашёлся дикий кашель.

— Ничего, всё хорошо. Это выходят духи. Это хорошо, — спокойно и уверенно сказала она.

Чаша с водой оказалась возле лица, пришлось пить. Она уложила его еле послушное, завалившееся на бок тело обратно, положила руку на плечо.

— Отдыхайте, князь.

Поднялась со своего места и тихо ушла, шурша юбками. Этот голос. Откуда знает, что он... князь? Он — князь? Что за...

И тут память покатила колесом вспять, восстанавливая сюжеты жизни, якобы принадлежащей ему:

Яма... Стражники... Гневный вид царя... Взмах руки с огромными перстнями на сжатых в кулак пальцах... Овраг... Люди, разбойники... Эти разбойники - его люди... Город... Разбитый город. Бегущие люди. Его люди... Большой город. Торговые ряды Ситты... Улицы поселения кочевников, улыбающиеся лица... Его Отор. Он — князь!

Приехали...

Теперь у него есть занятие — приводить свою память в порядок.

Тем временем Дэна собиралась в обратный путь.

— Мне нужно вернуться в Ситту. Возьму трав и корни. У вас тут всё в порядке. Ты хороший управляющий! Добрый из тебя получился бы вождь! — обратилась к Нику девушка, запрыгивая в седло.

— Ха, только такие подданные вряд ли могли бы обеспечить достойное существование царства, — засмеялся Ник, махнув головой в сторону выздоравливающих обитателей лекарского стана.

— Это были бы самые преданные тебе подданные.

— Может быть.

Дэна запрыгнула в седло и направила лошадь в город.

— Я потом всё расскажу. Мне надо быть там, нельзя медлить, — обернувшись, крикнула девушка и помахала рукой своему верному помощнику.

А во дворце её ожидала новость.

Лакей-свечник с горем в сердце поведал, что его племянница всё же умерла. Она так и не пришла в чувства. Долго мучилась, кричала от страха, не выдержала и...

Свидетеля преступления не стало.

Что делать? И принцесса стала думать:

«Выдать Совету царства предположение, что скрывающийся в келье маг может быть причастен к отравлению царя, было неразумно и бездоказательно. Предположения лакея никто слушать не станет.

Женщины-чародейки справляются со своим делом, ведут себя подобающе светским дамам, успокаивают царя, когда он волнуется. Сплетни не распускаются, — так бы ответили советники мне.

Надо что-то придумывать.

Но для начала надо остановить доставку «лекарств» царю в покои. Как это сделать?

Нужны союзники.

Свечник — раз. Несчастливая мать погибшей девушки — два. Не богато. Фрейлины — те ещё сплетницы. Кавалеры — сребролюбивые слабаки, которых легко можно подкупить с

любой стороны. Надежды на них, что на блоху, которая обещает покинуть пса. Вариантов не много.

Надо всех их использовать вслепую.

- Так, возьмёмся за «гостя» — что он там поставляет нашему волшебнику? — размышляла принцесса.

Лакею-свечнику дано было поручение проследить время визита «гостя» и примечать все его передвижения и действия, вплоть до шнуровки лент на туфлях.

Конюхам госпожа дала задание проследить пути следования наблюдаемого человека — откуда он приезжает. В городе посыльные мальчики должны были разузнать о его передвижениях. А девицы в трактирах... ну, это понятная история.

Принцесса, сама не подозревая, создала целое Тайное общество.

И результаты начали проявляться.

Выяснилось, что этот посыльный — посредник человека, который живёт за городом в хижине. То был колдун. Сам он не заходит в город. Ему привозил провизию этот посредник и уносил что-то во дворец тому «лекарю».

Что в сундуке посланника, наконец, удалось узнать, подменив сундук другим, похожим, в ходе случайного столкновения «пьяного» егеря с ходоком в замок.

После подмены сундуков надо было очень быстро вернуть его снова «хозяину», что и было сделано в тесном переходе улиц города, где и помогла соблазнительная девица.

Подозрение лакея подтвердилось. Средство «лечения» было ядом.

Это всё объясняло: никакого демона в душе царя не было! Кто-то хотел попросту его убрать.

И вот теперь нужно было сначала сменить лечение.

Но менять лекарей нужно было в согласии с Советом Царства. А там, возможно, сидят те, кому вообще вся эта ситуация на руку, особенно смерть правителя.

Принцессе нужны были союзники.

Где их взять?

Попытка сменить хоть одного министра вызовет подозрение, которое могут свалить на принцессу, обвинив её в самоуправстве, попытке свержения царя с завладением тронном.

Только не это! Надо поступать осторожно.

Но в Совет принцесса всё же подала просьбу о рассмотрении другого способа лечения царя с возможностью замены лекарей. Совет во мнениях разделился и пока сомневается. Им нужны доказательства, что лечение плохое и приводит к ухудшению.

Эх, жаль, что принцесса не успела поговорить с девушкой — единственной свидетельницей опытов над ней.

Надо как-то выманить того мага из хижины.

А пока она не могла допускать продолжения «лечения» ядами родного отца и перехватила инициативу, заменив служанку с «чашами лекарственных чаёв» на свою помощницу. Выслав ту в лагерь лекарей, якобы для оказания помощи. А

сама распустила слух, что в лагерь занесли язвы, чтобы никто сторонний не заходил туда и свои не выпускались.

Совет принял приказ, и царь немощной рукой подписал. Приказ был вынесен и оглашён в городе.

Так царь стал получать нужные снадобья, но лечение теперь должно было быть долгим.

А так как царь скоро (но это не точно) будет чувствовать себя лучше, то Совет подумает оставить всё как есть и не примет никаких подозрений об отравлении, даже от принцессы.

«Мне нужны силы и помощь Духов!» — решила принцесса.

Глава 17 Колдун

Колдун рассматривал свои сосуды и чаши, расставленные в нишах хижины, и был в превосходном настроении.

Он пребывал в экстазе от предвкушения вот-вот сбывающихся замыслов. На его искажённом злой ухмылкой лице играло счастье, глаза горели, руки тряслись.

— Скоро, скоро... Ещё немного — и всё будет моим! Я заслужил славы, прислуживая Духам. Справедливость должна восторжествовать на этой земле. И Великая Мудрость должна быть услышана во всех уголках земли. Я — тот, кто спасёт этот жалкий мир от мерзких чиновников, сюсюкающихся с селянами и торговцами, и от этих безбожников-кочевников!

Вот! — он показал рукой на сосуды. — Вот что мне поможет!

Купаясь в своём тщеславии, мечтал Аттюк.

Горбатый колдун встал, опёрся на посох и посмотрел в окно в сторону Ситты.

— Я скоро войду туда, приведу своего сына, и он будет правителем, а я — его отцом. И мы вместе будем управлять этим городом, а потом подчиним себе все царства Тиды! Я буду стоять рядом с троном и наслаждаться золотыми потоками...

— Серебряными потоками... — вдруг донеслось до него со стороны леса вместе с шумом ветра, сорвавшегося неиз-

вестно откуда.

— Да-да, и серебряными потоками тоже, — подхватил колдун и погладил жидкую бороду.

Эти правители глупы и безрассудны. Ещё, будучи в Оторе, у этих грязных вонючих пастухов я знал, что буду здесь снова. Пусть знают все мои обидчики, с кем имеют дело! И никто не узнает, что это всё сделал Я, а не эти ваши боги, которым вы молитесь и которые вам не отвечают! Ха-ха-ха-ха-ха! Мне будет достаточно, что об этом буду знать Я! Я, только я!»

Внезапно «тронный зал тщеславия» содрогнулся от сильного порыва ветра, ударившего в хилые стены. Но хижина устояла.

Когда маг Вселенной занимался своими волшебными делами и готовил новую порцию «лекарства» для Его Величества, пришёл посредник.

Колдун без слов положил в ручной сундук снадобье.

— На меня в городе было совершено нападение, — отчитался посланник.

— А сундук?

— Сундук цел.

— Ничего нельзя доверить! Как же так неосторожно! — вскипел колдун и ударил клюкой посланника в грудь. — Надо повесить замок!

Но заговорщики опоздали.

Принцесса захватила часть ядовитого вещества.

— Как сам? — колдун справился о здоровье царя, в надежде, что ему уже хуже.

— Сдаётся, ему лучше...

— Что-о-о? — заорал колдун.

— А что? Должно быть не так?

— Не разговаривай тут. Иди и неси Его Величеству лекарство, вдруг ему стало хуже, — залепетал Аттюк, когда понял, что ляпнул не то. — Иди скорее, не то ему будет худо! Торопись, негодник!

«Как же так? Не хуже становится царю, а лучше?» — думал он, размышляя о недостаточно хороших для его планов новостях, которые приносил посыльный из дворца.

Он долго обдумывал новость, скручивая и раскручивая бороду на своём корявом пальце.

— Хм... Принцесса... Надо наведаться туда.

Следующий раз гонец принёс такие же неутешительные для колдуна новости. Сообщил, что царь много спит и поне-много уже принимает пищу.

Во дворце часто крутится принцесса. Что-то часто бывает в Совете Царства.

— Хорошо. Тогда надо заняться принцессой сейчас. Что-то мне это не нравится.

Глава 18 Находка Салги. Амулет

Лес готовился к зиме и нехотя впускал мороз в свои владения. Иней опускался на деревья и делал округу хрустальной, прозрачной, сказочной.

Обитатели Лагеря Лекарей ютились в пещере, закрыв проход кожами, сшитыми в полог. А лекари и особо нуждающиеся в уходе жили в юрте, расположившейся на выступе скалы около водопада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.